

рассказы

Г. КОЧАРОВ

О
следо
вателе
Колосове

ИЗВЕСТИЯ

рассказы

О

Г. КОЧАРОВ

**следо-
вателе**

Колосове

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ» • МОСКВА • 1970

Р 2
К—75

Составители С. СТЕПИЧЕВ, В. ЧИКУЛ

Художник В. КРАСНОВСКИЙ

7-3-2

16—70

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРЕ И КНИГЕ

Георгий Иванович Кочаров (1921—1969) ушел из жизни в расцвете творческих сил. Это был криминалист по призванию, по складу характера, по своим личным данным.

Многолетняя деятельность в качестве следователя, старшего следователя и заместителя начальника следственного отдела прокуратуры г. Москвы позволила ему приобрести огромный багаж практических знаний. Последующая работа в Институте криминалистики и в Институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности помогла осмыслить, проанализировать и привести в систему накопленный опыт. Признанием его авторитета в области криминалистики, в вопросах расследования преступлений является не только звание заслуженного юриста РСФСР, ученая степень доктора юридических наук, но и большая популярность многочисленных научных и методических работ, опубликованных в нашей печати. Многие из этих книг и статей — настоящие пособия следователей, прокуроров, судей, ученых-юристов.

Когда говорят о человеке-следователе, обычно подчеркивают его ясный ум, твердость характера, эрудицию. Все это было и у Георгия Ивановича. И еще были огромная человечность, уважительное отношение к людям, любовь к жизни, без чего не может быть подлинного следователя — Следователя с большой буквы.

Георгий Иванович Кочаров был, кроме того, членом Союза журналистов СССР. В течение последних десяти

лет он опубликовал серию рассказов из следственной практики, главным образом в журнале «Социалистическая законность», где он был на протяжении многих лет членом редакционной коллегии. Часть этих рассказов издавалась в виде отдельной книги.

В настоящий сборник, подготовленный к изданию после смерти автора, включены некоторые рассказы Георгия Ивановича Кочарова, главным действующим лицом которых является старший следователь Колосов. Не было в действительности такого старшего следователя, но был старший следователь Г. И. Кочаров, ибо все эти рассказы в значительной мере автобиографичны.

Возможно, сравнивая рассказы этого сборника с детективными произведениями некоторых профессиональных писателей, кто-либо из читателей скажет, что в рассказах Г. И. Кочарова нет захватывающей, «закрученной» детективной фабулы, нет до предела заостренных ситуаций. Может быть, они не идеальны и в литературном отношении. Но те, кто знает, что такое героические будни следователя, скажут, что в этих рассказах есть главное, и это главное — правда. Правда о трудной, очень трудной профессии следователя, правда о том, что героика этой профессии не в ежедневных романтических приключениях, а в будничном, постоянном, скрупулезном труде, требующем недюжинного ума, силы воли, терпения, любви и уважения к людям. Нам кажется, что все это есть в рассказах Г. И. Кочарова, вложившего в них свой талант, труд и свою душу следователя.

В. И. ТЕРЕБИЛОВ,
Министр юстиции СССР

КРАСНЕЮЩИЙ ЮНОША

Когда супруги Воронковы, возвращаясь из театра, подошли к дому, Галина Сергеевна, кивнув на ярко освещенные окна своей квартиры, сказала мужу: — Мишка опять не спит. И что только этот полуночник делает?

Миша действительно не спал. Он лежал в столовой на полу, связанный по рукам и ногам. Из рта у него торчала тряпка.

Тихо охнув, Галина Сергеевна схватилась за сердце, а Валерий Павлович, подскочив к сыну, вытащил кляп и стал лихорадочно разрезать столовым ножом веревки.

Убедившись, что сын жив-здоров, они, перебивая друг друга, стали расспрашивать его, что случилось...

Впрочем, и без того было ясно, что в квартире побывали грабители: исчезли два пальто, несколько платьев, дюжина серебряных ложек и много других вещей.

Работникам милиции, приехавшим на квартиру, Миша рассказал, что после ухода родителей он сел делать уроки, но не успел решить и первой задачи, как услышал в коридоре чьи-то шаги. В комнату неожиданно вошли двое незнакомых мужчин. Схватив Мишу за руки, они потребовали денег.

Мальчик ответил, что денег дома никогда не видел. Тогда один из грабителей начал быстро открывать

подряд все шкафы и ящики, выбирая вещи, а второй связал Мишу и повалил его на пол.

Миша толково описал приметы налетчиков. Никаких вещественных доказательств при осмотре найти не удалось.

...Не одна неделя прошла с того вечера, а преступление оставалось не раскрытым. Единственное, что было ясно: преступники проникли в квартиру, открыв дверь подобранным ключом.

«Но кто, кто открыл дверь?..» Немало думал над этим старший следователь Колосов, которому поручили дальнейшее расследование. Но никаких данных, позволявших выдвинуть более или менее обоснованную версию, он так и не находил.

«Пожалуй, придется подойти к делу с другого конца»,— решил следователь.

Набрав номер телефона начальника районного отдела милиции Шустова, он запросил все нераскрытые дела о кражах, совершенных при помощи подобранных ключей, в районе 2-й Мещанской, где жили Воронковы.

Таких дел оказалось пять. Весь следующий день следователь изучал их. Однако и это не принесло пользы. Ни в одном случае потерпевшие не могли указать, кого они подозревают в краже, ничего не дали и выезды на места происшествий.

«Не бывает таких преступлений, которые нельзя раскрыть,— бывают лишь такие следователи, которые их не раскрывают»,— вспомнил следователь слова из своего же недавнего сообщения на семинаре молодых специалистов. Он пожалел, что так безапелляционно сказал тогда эту фразу.

Колосов решил снова взяться за нераскрытые дела о кражах. На этот раз ему показался примечательным один факт, на который он до этого не обратил внима-

ния: у всех потерпевших были дети в возрасте шестнадцати—восемнадцати лет.

Для проверки родившейся у него догадки он решил выяснить у подростков всех их знакомых, близких и дальних друзей и недругов. Колосов стал беседовать с этими подростками.

И вот подведен итог. Что же оказалось?

Из числа многих товарищей и друзей лишь одного — Игоря Чарникова — знали дети всех потерпевших. Лишь один он бывал у всех на квартирах.

Правда, ничего предосудительного о Чарникове никто сказать не мог. Напротив, все характеризовали его как услужливого товарища. Дочь одного из потерпевших, проживавшая в том же доме, где и Чарников, рассказала, например, как он выручил их, когда в квартире сломался замок (Игорь очень быстро где-то его починил).

Колосов снова позвонил Шустову.

— Николай Тихонович! Найдена интересная ниточка по делу об ограблении Воронковых, давайте встретимся.

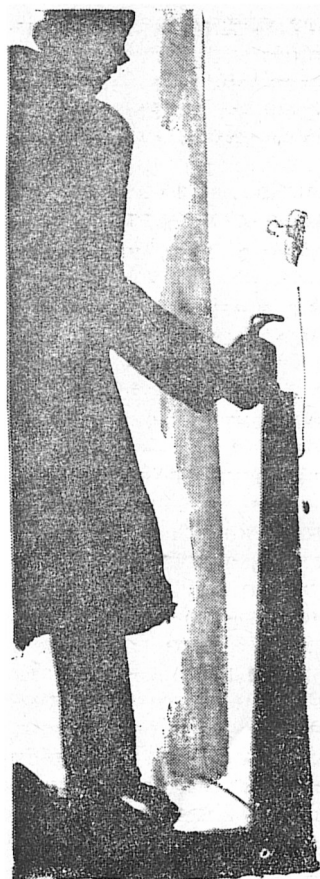
...Невысокий парень в пыльнике, с небольшим чемоданом в руках вошел поздним вечером в старый четырехэтажный дом на 2-й Мещанской и стал не спеша подниматься по крутым ступеням на последний этаж. Мельком взглянув на номера трех квартир, двери которых выходили на лестничную площадку, он позвонил в квартиру № 12. На звонок никто не вышел. Не откликнулся никто и на следующий, уже более продолжительный звонок. Подождав еще с минуту, парень вытащил из кармана ключ и спокойно открыл квартиру. Неожиданно он сильно закашлял. Сразу же наверх взбежал еще один молодой человек, до этого стоявший с безразличным видом внизу, у парадного.

А через полчаса телефонный звонок Николая Ти-

хоновича известил Колосова, что операция по задержанию грабителей прошла успешно.

— Как вы решились на это? — спросил Колосова начальник отдела Холодов, перелистывая протоколы с признаниями преступников. — Ведь доказательств никаких не было.

— Это неточно, Петр Дмитриевич, кое-какие нити, правда тоненькие, были. А история этой операции такова. Когда вы передали мне дело об ограблении Воронковых, я вертел его и так и сяк, но путей для быстрого раскрытия не находил. Тогда я изучил все дела о нераскрытых кражах, совершенных в районе 2-й Мещанской. Ловко подобранные во всех случаях ключи и еще кое-какие мелочи позволили мне сделать несколько выводов. Главный из них: грабеж и кражи — дело рук одной группы, и участником ее является некто, посещавший квартиры всех потерпевших. Если ход моих рассуждений был правилен, то у всех потерпевших, — а некоторые из них даже не знали друг друга, — должен был оказаться общий знакомый. И он нашелся. Речь идет об Игоре Чарникове. Собственно, его знали не столько потерпевшие, сколько их дети. С одним он когда-то учился, с другим играл в футбол, у третьего брал книги... Ребята отзывались о нем неплохо. По их словам, это был скромный, застенчивый юноша, который поминутно краснел. Однако не представляло большого труда выяснить, что Чарников, уйдя из 9 класса, не захотел ни учиться, ни работать, частенько поздно возвращался домой, нередко от него пахло водкой. Это, конечно, ничего не доказывало, но когда Шустов сообщил, что краснеющий юноша водит дружбу с неким Шишовым, уже дважды судившимся за кражи, и Паводковым, пьяницей, это, по-моему, уже имело для дела некоторое значение...

По моему поручению работники милиции выяснили, что в последнее время Чарников зачастил к студенту Виктору Молчанову, проживавшему неподалеку от него. Виктор — очень хороший парень, активный комсомолец, бригадмилец. Его отец уехал в длительную командировку; квартира пустовала, и, видимо, Чарников наведывался туда неспроста.

Пригласив Молчанова, я узнал, что Чарников заходит к нему за книгами. Виктор еще удивлялся быстроте, с которой тот их прочитывает. Я высказал ему свои опасения об истинной цели этих посещений и просил его быть особенно внимательным и осторожным.

И уже на следующий после этого разговора день Виктор прибежал ко мне взволнованный и, ни слова не говоря, протянул связку ключей.

В бороздке ключа от входной двери виднелся крошечный кусочек пластилина.

— Это я обнаружил после того, как от меня ушел Чарников, — сказал Виктор. — Кстати, я воспользовался вашим советом и спросил у него, что ему больше всего понравилось в книге «Путешествие на «Кон-Тики», которую он мне только что вернул. Густо покраснев, он ответил: «Пылкая любовь героя и героини...» И это в книге, где герои только мужчины, а почти все события происходят на плоту! Вот как он читал мои книги!

Быстро созвонившись с Шустовым, я договорился с ним, что в квартире Молчановых с согласия Виктора будет устроена засада. Через день Шишов и Паводков пожаловали в нее и были схвачены.

Как вы убедились, оба на первом же допросе сознались во всех кражах, а также в ограблении Воронковых. Их активным пособником был краснеющий юноша Игорь Чарников. Он подсказывал своим соучастникам квартиры и снабжал их слепками ключей.

Остальное все делалось без него, не считая, конечно, дележа похищенных вещей. Этого Чарников никогда не пропускал.

Выслушав Колосова, Холодов задумчиво сказал:

— А что, если засада оказалась бы напрасной и воры навели бы Молчанова через месяц? Интересно, как пришлось бы вам с Шустовым выкручиваться из щекотливого положения, обкради воры и эту квартиру?

— Мы все предусмотрели,— улыбнулся Колосов.— Если бы засада ничего не дала в течение недели, то все замки в этой квартире были бы сменены. Так что мы, Петр Дмитриевич, действовали без риска...

ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ БОРТКЕВИЧ

Директор фабрики второй раз перечитывал письмо. Было оно от Тани Борткевич, кассира, которая два дня назад исчезла с зарплатой для рабочих. На грязном листке бумаги карандашом было нацарапано:

«Дорогой товарищ директор! Дорогие товарищи! Когда вы получите письмо, меня уже в живых не будет. Вы, наверное, подумали, что я соблазнилась на деньги. Товарищ директор! Со мной случилось большое несчастье. Днем я получила деньги в банке и пошла на фабрику коротким путем, проходными дворами. У самой Садовой, в подворотне, меня остановили два парня и ударили чем-то тяжелым по голове. Очнулась я уже вечером в какой-то котельной. Голова в крови, портфель с зарплатой исчез. Я не перенесу, что из-за меня люди останутся без денег, поэтому решила покончить с жизнью. Ищите меня в Москвереке».

— Подумаешь о человеке плохо, а с ним, быть может, что-нибудь серьезное, трагическое случилось, — оторвавшись наконец от письма, вслух рассудил директор.

Через час письмо Борткевич лежало перед Колосовым. Прокурор города поручил ему расследовать дело об исчезновении кассира. Весь следующий день Колосов безрезультатно потратил на поиски Бортке-

вич. И не он один. Ему помогали несколько опытных работников милиции. Однако никто не мог сказать, куда делась Таня. Мать Татьяны, когда ее спросили, где дочь, только заплакала.

— Видать, не дано мне нянчить внуков,— отвечала она.— Нет у меня дочки...

Ничего больше от нее не добились. Колосов еще и еще раз внимательно перечитал письмо, пытаясь отыскать в нем какой-то тайный смысл. Но это не так-то легко было сделать. То ему представлялось, что Борткевич смеется над теми, кто верит ее посланию, то вставала картина распухшего в воде трупа молодой женщины, прибитого к берегу реки.

«Ну что ж, разное бывает»,— как и директор фабрики, подумал Колосов и вновь взялся за письмо. На этот раз, вооружившись лупой, он читал и рассматривал письмо вместе с конвертом особенно придирчиво. Заглянув в справочник «Москва», Колосов подошел к большой карте города и отметил какое-то место на севере, в Сокольниках.

Раздался телефонный звонок. Колосов снял трубку. Звонил капитан милиции Сергеев, которому была поручена работа по розыску Борткевич.

— Товарищ Колосов,— спокойно гудела телефонная трубка,— кое-что есть. Оказывается, вчера у гипсового завода в Дорогомилове, на берегу Москвы-реки, ребятишки нашли потрепанное женское пальто. В кармане обнаружен пропуск Борткевич Татьяны Николаевны на трикотажную фабрику, а также записка: «Мама, прости...» Интересно, говорите? Я тоже так думаю. Запросил все отделения милиции по течению реки. В месте, где нашли пальто, провели тщательный осмотр, но ничего больше не обнаружили...

Колосов попросил Сергеева доставить к нему паль-

то и записку. Повесив трубку, он снова подошел к карте Москвы. У гипсового завода появилась вторая отметка.

«Да-а. Ну и дела,— углубился в раздумье Колосов.— А все-таки странно: собиралась топиться, и вдруг...»

Ход мыслей Колосова прервал приехавший Сергеев.

— Что задумались, Александр Иванович? Небось над этим хитрым дельцем голову ломаете?

— В точку попали, Петр Федорович. Над ним. Давайте посмотрим, что за пальто у нашей утопленницы.

Колосов осмотрел пальто со всех сторон. Но того, что он искал, не было. Пальто хоть и не новое, но чистое: ни пятен крови, которая неизбежно попала бы на него с разбитой головы, ни крошек угля, которых полно в любой котельной.

Потом Колосов осмотрел записку и удовлетворенно хмыкнул.

— Теперь,— сказал он,— картина, кажется, проясняется. Я думаю, что Борткевич нужно искать среди живых.

— Но почему, Александр Иванович, вы считаете эту версию наиболее вероятной?

— Попробую объяснить. Ни письмо, ни пальто с запиской на берегу Москвы-реки меня в смерти Борткевич не убеждают. И вот почему. Начну с письма. Взгляните на конверт. Это штемпель Сокольнического узла связи. Значит, письмо было опущено в районе Сокольников. Но там Борткевич не живет и не работает. Москва-река там также не протекает. Далее. По штемпелю на конверте видно, что письмо попало на почту в 18 часов. А ведь если верить Борткевич, то она только вечером очулась в какой-то котельной у Садовой.

— Да,— сказал Сергеев,— концы с концами не сходятся.

— Вот именно. Но это не все. Письмо написано, как видите, простым карандашом. Карандаш сильно затупившийся — взгляните, какие буквы. А вот последние слова написаны уже остро отточенным карандашом. Стоило ли перед смертью зачинивать карандаш? Дальше. Когда она писала письмо, то, вероятно, красила губы. Вот, пожалуйста, след кончика пальца, испачканного помадой. Красить себе губы, готовясь топиться,— дело сомнительное. Не так ли?

— Пожалуй, так,— усмехнулся Сергеев.

— Посмотрим теперь на записку, найденную в пальто. Она тоже написана простым карандашом. Но обратите внимание — карандашом, у которого грифель затупился. Выходит, что предсмертные слова самоубийцы «Мама, прости» были написаны до покаянного письма на фабрику. А это значит, что Борткевич не бросилась в воду у гипсового завода, а отправилась оттуда в район Сокольников, где и отправила письмо. Не кажется ли вам теперь эта версия более вероятной?

Сергеев согласился с доводами Колосова, но спросил, почему тот убежден, что у Борткевич был один карандаш и что именно она его заточила.

— Возможно, Борткевич имела два карандаша,— ответил следователь.— Тогда и роль записки может оказаться другой. Мой вывод, конечно, предварительный. Если потребуется, исследуем карандашные штрихи с помощью экспертов. Но, откровенно говоря, думаю, что это не понадобится. Возьмите лупу и посмотрите на это место письма... Теперь поняли, в чем дело? Она чинила карандаш, упирая грифель в бумагу. Отсюда и эти точки. Давайте подумаем теперь, где мы будем искать живую Борткевич. Конечно, ваше реше-

ние продолжать одновременно поиски трупa мы изменять пока не будем.

Вскоре план розыска был разработан. Распрошавшись с Сергеевым, Колосов попросил направить к нему ребят, нашедших пальто.

Кончался день поисков. Кое-что прояснилось, но многое еще оставалось непонятным.

«Интересно, какая связь между Дорогомиловом и Сокольниками», — думал Колосов, убирая бумаги в сейф.

Наутро около своего кабинета Колосов увидел вихрастого подростка. Он внимательно читал табличку «Старший следователь, советник юстиции Колосов».

— Ты, наверное, ко мне? — спросил Колосов. — Как тебя зовут?

— Толя... Рыжиков я.

— Ты один приехал сюда?

— Нет, с мамой, она велела мне ждать вас, а сама пошла в магазин. Скоро придет.

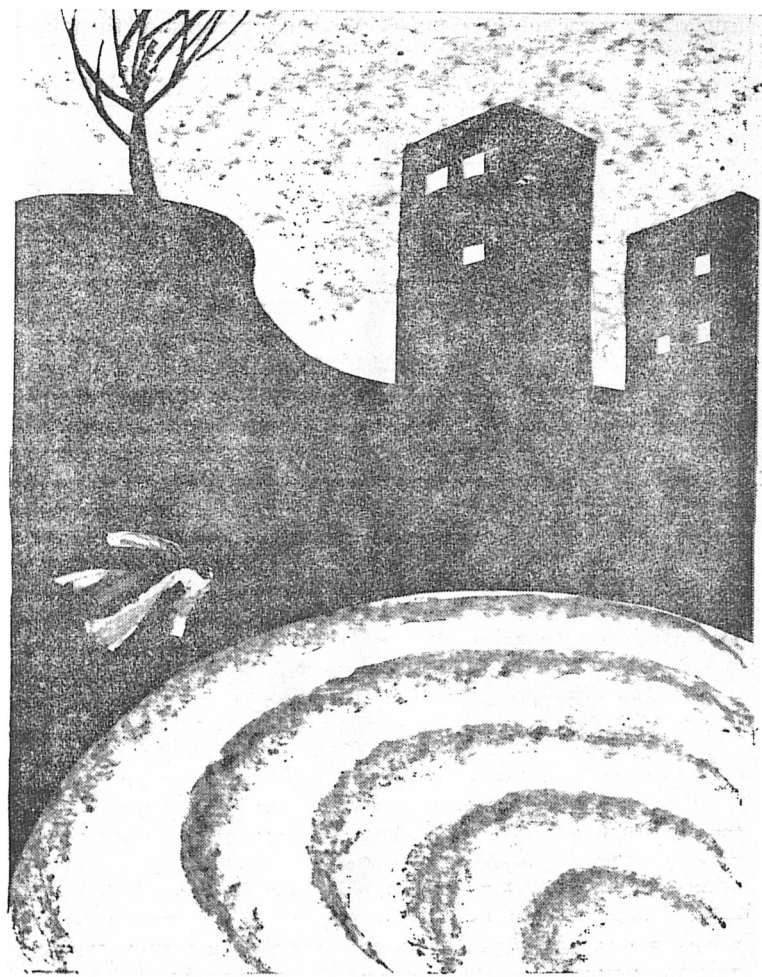
— А сколько тебе лет?

— Четырнадцать.

— Ну, заходи и присаживайся, — ласково сказал Колосов, указав мальчику на кожаный диван. Он повесил шляпу на вешалку и сел рядом с Толей.

— Это ведь ты, Толя, с товарищами на берегу Москвы-реки нашел пальто? Расскажи, пожалуйста.

— Позавчера это было. Утром мы с ребятами пошли купаться. Ребята сразу в воду, а я лег на песке погреться. Тут недалеко и увидел пальто. Поднял, посмотрел. Вижу, целое. Принес матери, вот, говорю, на берегу нашел, может, нам кому подойдет. А она на меня заругалась, что я чужое в дом принес. Неси, говорит, сейчас же дяде Косте (это наш участковый). Я ему и отнес. Дядя Костя сразу карманы вывернул, а оттуда выпали пропуск и какая-то записка. Прочитал

он и говорит: «Ну и ну! Молодая, наверное, была»,— а потом мне спасибо сказал. Вот и все.

— Скажи, Толя, около пальто ничего не было?

— Нет. На чистом месте лежало. Да не аккуратно, а враспашку.

— А следов ног ты не заметил?

— Следов ног? Не было. Совсем на том месте на берегу не было. Мы с ребятами там первыми наследовали.

— А пляж широкий у вас?

— Нет. Как с обрывчика спустишься, шагов пятнадцать.

— Ну, спасибо, Толя. Ты нам сильно помог.

Колосов составил протокол и дал его Толе подписать. Внимательно прочитав аккуратные строчки протокола, Толя важно расписался.

Вскоре Колосову принесли с фабрики личное дело Борткевич, которое он запросил накануне. В деле были анкета, автобиография, справка с прежнего места работы.

— А где же трудовая книжка? — спросил Колосов инспектора по кадрам после того, как внимательно прочитал все бумаги.

— Не сдавала она, — виновато ответила инспектор, — все говорила, что дома забывает.

— Забывает? А вы свои обязанности тоже забываете?

— О чем уж говорить? Виновата. Да теперь не все ли равно, раз человека в живых нет. Что теперь толку в ее книжке?

— «Что толку», — сердито повторил Колосов, когда инспектор ушла. — Растяпа.

Еще раз заглянув в личное дело, Колосов набрал какой-то номер.

— Строительное управление? — спросил он. — Нет? Квартира? Простите, а телефон Е-4-59-19 ваш? Да? Спасибо.

На справке из личного дела Борткевич, в которой было указано, что она работала бухгалтером, стоял штамп строительного управления № 16. В штамп были вписаны от руки телефон управления и адрес: Рыбинская улица, дом 27.

Из «Мосгорсправки» сообщили, что строительное управление № 16 ликвидировано четыре года назад и что находилось оно на шоссе Энтузиастов.

«Справка фальшивая, — подумал Колосов, еще раз помянув недобрым словом инспектора по кадрам. — Может, и Рыбинской улицы в Москве нет?»

Но улица такая была, и находилась она в районе Сокольников.

«Совпадение это или нет?.. — думал Колосов. — Справку, очевидно, составила сама Борткевич: почерк ее. Но почему из тысячи московских улиц она вписала в штамп именно эту Рыбинскую улицу? Возможно, это первое, что пришло ей в голову. Но почему именно это, а не другое название пришло первым? Не потому ли, что Борткевич как-то связана с этой улицей?»

— Проверить все надо, — вслух подытожил Колосов свои рассуждения. Вызвав машину, он отправился в Сокольники.

Машина остановилась у дома № 1 по Рыбинской улице. Медленно поехали к дому № 27. Но такого не оказалось. На Рыбинской улице было всего девятнадцать домов.

Колосов стал показывать фотографию Борткевич дежурившим дворникам, но те пожимали плечами и отрицательно отвечали на его вопросы. Однако последний из них высказал предположение, что, может быть, члены комиссии содействия знают такую гражданку.

Через день Колосов входил в красный уголок, где заседал совет комиссии.

Когда Колосов вошел в большую квадратную комнату с высоким потолком, на него никто не обратил внимания. Присутствующие бурно обсуждали вопрос о подготовке домов к зиме. Пришлось набраться терпения. Но зато потом...

— Товарищи, приступим ко второму вопросу. В комиссию содействия, а также в милицию,— председательствующий кивнул в сторону участкового уполномоченного,— от жильцов дома номер восемь поступило заявление, в котором они просят принять меры в отношении гражданина Семенова А. Ф. и его сожительницы, фамилия которой нам, к сожалению, не известна. Семенов нигде не работает, пьянствует и устраивает в квартире скандалы. Не скромней ведет себя и его сожительница. Вечерами к ним приходят гости и почти до утра не дают отдыхать соседям.

— Вы меня извините, товарищи,— воспользовался паузой Колосов,— что я без вашего ведома пришел сюда и, тем более, перебил председательствующего.

Только теперь присутствующие обратили на него внимание.

— Я следователь городской прокуратуры, и у меня есть также очень важный вопрос, который, возможно, связан с заявлением жильцов дома номер восемь. Из вас, наверное, кто-нибудь знает в лицо сожительницу Семенова. Может быть, она и есть эта гражданка? — И Колосов показал членам комиссии фотографию Борткевич.

Ее узнали.

По просьбе Колосова розыскная группа во главе с Сергеевым устроила в доме засаду, и уже вечером Борткевич была задержана.

Как оказалось, она поселилась у своего давнего знакомого, который, обрадовавшись большому «приданому», согласился на ней жениться.

В кабинете Колосова «самоубийца», размазывая по лицу слезы, смешанные с краской для ресниц, долго рассказывала, как она задумала похитить крупную сумму денег и скрыть свое преступление.

— Это все я уже знаю,— заметил Колосов, когда Борткевич закончила свой рассказ.— Скажите мне только, почему именно в Дорогомилово вы отвезли свое старое пальто?

Борткевич снова всхлипнула.

— Да там же, неподалеку, я купила в комиссионном новом, а старое отнесла на берег и положила на песке. Думала, теперь обязательно поверят, что я утопилась...

— Точнее не положила, а бросила с обрывчика,— заключил Колосов.— Впрочем, это не имеет большого значения.

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ РОСТОВЩИКА РЯБИНУШКИНА

Делец Тарковский признался в преступлении полностью. Да, он действительно занимался частнопредпринимательской деятельностью по производству «антикварных» ваз и похоронных урн; да, он делал деньги из воздуха, обманывал государство и многих граждан. Не хотел Тарковский говорить только одного: где взял шесть тысяч рублей, которые поначалу понадобились ему для широко поставленного «дела».

— Александр Иванович! — отвечал он неизменно старшему следователю Колосову. — Я прошу вас об этом меня не спрашивать. Слово, что я их не украл.

— Но согласитесь, Тарковский, мне трудно поверить вашему слову. Надеюсь, вы не забыли, как полторы недели тому назад давали слово, что сами разрисовывали свои урны. Однако рисунки оказались лишь ловко изготовленными переводными картинками. Потом вы давали слово, что у вас никогда не было дачи, а их оказалось две, потом...

— Вы правы, Александр Иванович, мне трудно поверить, но на этот раз я говорю правду. Да и инженер Левин, если угодно, подтвердит.

— Кто, кто? — переспросил Колосов. Он впервые слышал эту фамилию.

Тарковский смутился.

— Кажется, я сболтнул лишнее. В общем, Алек-

сандр Иванович, я сказал правду. Деньги мною получены честно, но от человека не совсем честного. Я не раз у него брал крупные суммы. Он, видите ли, ростовщик-профессионал.

Колосов искренне удивился:

— Ростовщик? Неужели эти типы еще есть?

— Есть, Александр Иванович. Ведь есть же до сих пор частники-предприниматели,— и Тарковский, невестело улыбнувшись, кивнул на постановление о привлечении его в качестве обвиняемого, в котором он так и именовался.

— Есть,— еще раз повторил Тарковский,— а этот экземпляр какой-то особенный...

И Тарковский рассказал все, что знал о ростовщике Рябинушкине.

— А кто же все-таки Левин? — спросил Колосов.

— Ах, да. Левин — мой знакомый по дому, инженер. В тот день, когда Рябинушкин дал мне шесть тысяч, взяв расписку, что я ему должен уплатить через год за какие-то краски десять тысяч, Левин тоже был. Он закладывал одну золотую десятку. При нем Матвей Матвеевич, так Рябинушкина зовут, взял с меня слово, что я никогда и никому ничего не скажу о наших делах. Поэтому я и не говорил вам раньше.

Так, почти случайно, возникло дело о крупнейшем ростовщике Рябинушкине, едва ли не последнем представителе этого гнусного промысла.

Ежедневно на Зацепский рынок приходил пожилой человек, чтобы купить несколько картофелин и пол-литра молока. Его хорошо знали приезжавшие на рынок колхозники. Их удивлял не странный вид ежедневного посетителя, круглый год в любую погоду не снимавшего шапки и стоптанных валенок,— к этому уже

привыкли, — а его страсть торговаться из-за каждой копейки.

Несчастный вид этого покупателя неизменно вызывал жалость у продавцов, и, как только он приближался, они сразу сбавляли цену. Но все равно начинался торг.

Некоторых эта манера торговаться возмущала: уж слишком мелочным был старик; другие, наоборот, сочувственно относились к нему, очевидно, забытому и родными и близкими.

Но никто и не догадывался, что покупатель этих нескольких картофелин ворочал десятками тысяч рублей. Это и был Матвей Матвеевич Рябинушкин.

Колосов уже многое знал о Рябинушкине. Знал, что он занялся ростовщичеством еще в 1913 году, когда начинал свою карьеру мелким служащим частного банка; знал, что тот за долгие годы обобрал не одного доверчивого человека, обращавшегося к нему в трудную минуту; знал, что Рябинушкин ссужал крупные суммы дельцам и спекулянтам и что, обладая значительными средствами, жил впроголодь.

Колосов несколько не удивился, увидев перед собой небритого, неопрятно одетого человека в стоптанных валенках. Не удивила его и убогая обстановка комнаты.

— Ознакомьтесь, Рябинушкин, с постановлением об обыске, — сказал Колосов. — Разъясню вам, что обыска можно избежать, если вы добровольно выдадите все имеющиеся у вас ценности и деньги, которые нажиты ростовщичеством.

Рябинушкин внимательно прочитал постановление и, отвернувшись в угол комнаты, стал мелко креститься.

— Как перед богом, говорю вам, гражданин главный следователь, — забубнил он в сторону икон, — ни-

щим живу который десяток лет. Какие у меня ценности, какие деньги? Господь свидетель, что и мясо-то последний раз ел не помню когда. А что касается ростовщичества, то это против веры...

— Прекратите, Рябинушкин, эту комедию. Я знаю, что вы не едите мяса, и знаю многое другое. Выдадите ценности добровольно или начинать обыск?

— Ищите,— ответил Рябинушкин, разведя руками.— Я нищ,— и вновь начал креститься.

Обыск заканчивался. У Рябинушкина не оказалось ни денег, ни ценностей, ни расписок.

«Что-то я не так сделал,— подумал Колосов,— что-то не так».

И Колосов решил продолжать обыск.

На этот раз, подходя к какому-нибудь предмету, он внимательно следил за выражением лица Рябинушкина. Оно оставалось равнодушным, пока Колосов не взял в руки старую меховую шапку. В какое-то мгновение Рябинушкин дернулся к шапке, и это не ускользнуло от внимания Колосова. Он стал рассматривать шапку. Она, казалось, ничем не отличалась от многих других шапок, только разве тем, что была слишком засалена. Но это только казалось...

— А вы, Матвей Матвеевич, как видно, недурно шить умеете,— заметил Колосов, показывая на аккуратно подшитую подкладку.— Только вот ведь какое дело. Шапка у вас старая: лет ей небось двадцать, а нитки свежие, крепкие. Таких на старых шапках не бывает. Не теми нитками подшивали. Может, в споре подкладку? Впрочем, лучше уж я сам: у вас руки трясутся, еще поранитесь.

За подкладкой лежали аккуратно завернутые в небольшие шелковые лоскутки прозрачные, ослепительно засверкавшие на свету граненые камни. На каждом лоскутке стояла цифра.

— Учет у вас, Рябинушкин, поставлен неплохо,— сказал Колосов. — Четыре бриллианта по 5 каратов, три — по 6 и пять — по 8. Так я понял эти цифры?

Рябинушкин молчал.

А еще через две минуты понятия с изумлением смотрели, как Колосов извлекал из-под стелек огромных стоптанных валенок Рябинушкина сотенные купюры. Их оказалось свыше сорока.

«Как я раньше обо всем этом не подумал,— сетовал на себя Колосов, заканчивая писать протокол.— Ведь можно было догадаться, что не только из-за скудости Рябинушкин ходил круглый год в валенках и старой меховой шапке...»

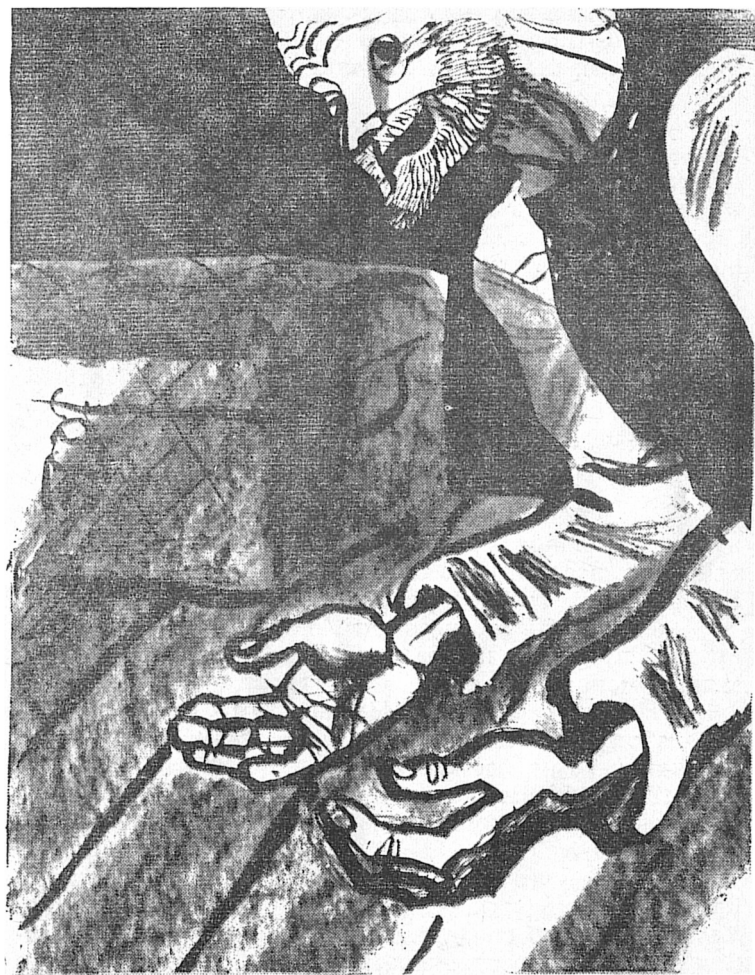
Но все же результатами обыска Колосов был доволен. Он не нашел ни золотой десятки инженера Левина, ни многих ценностей, которые называли Колосову свидетели, заложившие эти вещи ростовщику. А вещей этих было на несколько десятков тысяч рублей.

На допросе в прокуратуре, постепенно обретая дар речи, Рябинушкин, поминутно крестясь, уверял Колосова, что и деньги и бриллианты его кровные.

— Всю жизнь копил гроши для того, чтобы купить эти камни. Такая уж у меня страсть к ним,— утверждал он, а затем клялся и божился, что никогда в жизни никому не давал денег под проценты и не брал ничего в залог.

— Все это наветы моих неизвестных врагов,— причитал Рябинушкин.— По миру хотят меня пустить. Отдайте, Христом-богом прошу... Отдайте камушки... Всю жизнь я в них вложил, ради них нищим жил.

И жалок и гадок был этот ханжа, протягивающий к Колосову трясущиеся руки, жалка и омерзительна была вся его жизнь стяжателя.

Колосов твердо был уверен, что остальные ценности он где-то прячет. Но где?

На очных ставках Рябинушкин все отрицал. Ни одному свидетелю не удалось убедить его сказать правду.

— Ничего я не знаю,— говорил он односложно.— Никаких вещей в залог не брал и денег никому под проценты не давал.

«Нет,— думал Колосов,— этого очными ставками не возьмешь: они могут подействовать на того, кто сохранил совесть. Ему же совесть заменили стяжательство и жадность... Жадность,— задумчиво сказал вслух Колосов, вспоминая протягивавшиеся к нему трясущиеся руки ростовщика.— Этот будет цепляться за каждую золотую безделицу до конца. До конца... Придется пойти на хитрость».

— Как же вы решились на это? — спрашивал его к концу дня прокурор.— Я не могу одобрить ваших действий, ведь это обман. Обман или нет? — строго спросил Колосова прокурор.

— Возможно, это и обман, Алексей Николаевич, но другого пути я не нашел, да ведь и Рябинушкин долго меня обманывал.

— Ничего себе довод. Надеюсь, что ничего подобного я от вас больше никогда не услышу. А сейчас расскажите мне все сначала и поподробнее. Посмотрим, так ли безвыходно было ваше положение.

Прокурор откинулся на спинку кресла и приготовился слушать.

— После того как у Рябинушкина были найдены бриллианты и деньги,— начал Колосов,— я твердо убедился в том, что свидетели говорили правду. Рябинушкин — крупный ростовщик. Но если это так, то где же

многочисленные ценные вещи, которые ему закладывали, где расписки, которые он отбирал, давая деньги под большие проценты? И ценности и расписки нужно было найти, иначе изобличение Рябинушкина в ростовщичестве представлялось затруднительным. Дома у Рябинушкина, как я уже вам говорил, мы произвели самый тщательный обыск. От нас ничего бы не укрылось. Там нет ни ценностей, ни расписок. Значит, они на стороне, но как узнать, где именно? Я попытался выяснить, не мог ли он хранить вещи у кого-нибудь из родни. Но оказалось, что Рябинушкин уже много лет назад порвал связи со всеми родственниками, а двух своих сыновей проклял и выгнал из дому еще во времена нэпа за то, что они отказались помогать ему в грязных финансовых комбинациях, а хотели учиться и честно работать. Единственно, кто изредка его навещал — дочь Екатерина. Ей он позволял раз в несколько месяцев убирать комнату. Знакомств у него никаких не было. Его все терпеть не могли за ханжество, а сосед по квартире просто чурался, подозревая в скупке краденого. Рябинушкин жаден до последней степени. Вы не представляете, как он смотрел на свои бриллианты! Вряд ли он мог доверить ценности кому-либо. Но все-таки они у кого-то находятся... И если это так, то Рябинушкин — я в этом глубоко убежден — не отказался бы ни от одной золотой безделушки, ни от одного камня...

— Тогда-то вы и решились на свой эксперимент? — перебил прокурор.

— Да, Алексей Николаевич. Оставив Рябинушкина у себя в кабинете, я ушел, заверив его, что ценности все равно найду. Через три часа я вернулся и сказал Рябинушкину, что он может идти, так как все в порядке. Он спросил, что значит «все в порядке».

«— Это значит, что я нашел ваши ценности,— ска-

зал я. Услышав от меня эти слова, Рябинушкин не выдержал, сразу заявил, что они изъяты незаконно, так как принадлежат лично ему.

— Но ведь вы несколько часов назад говорили, что у вас нет никаких ценных вещей,— сказал я.

— Да, говорил. Жалко мне было свои вещи, потому и говорил. Но раз вы нашли, что ж... Правда-то все равно моя. Мои вещи, все мои.

— И часы золотые карманные с тремя крышками ваши?

— И часы мои.

— И жемчужное ожерелье ваше?

— И оно мое».

— Я,— продолжал Колосов свой рассказ прокурору,— знал наверняка примерно двадцать наименований ценных вещей, которые Рябинушкин получил еще в этом году. Реализовать он их не успел, так как установленные им самим сроки выкупа этих вещей истекли лишь в течение последних двух недель. Поэтому я продолжал задавать вопросы в том же духе. Какую бы вещь я ни называл Рябинушкину, он утверждал, что она его кровная. И вот, Алексей Николаевич, итог этого допроса — список ценностей Рябинушкина, который он составил и подписал. Но где эти ценности, я не знаю. А ведь здесь их на пятьдесят тысяч.

— И все-таки, Александр Иванович, вы поступили неправильно. Прибегать к подобным приемам допроса вам больше никогда не рекомендую. А сейчас нужно как-то исправлять положение. Пригласите ко мне Рябинушкина.

Шаркая валенками, вошел в кабинет Рябинушкин.

Предложив ему сест, прокурор спросил:

— Вы утверждаете, Рябинушкин, что все эти вещи принадлежат вам? — Прокурор показал глазами на длинный список.

— Да, госп... гражданин прокурор. Истинный крест. Мои они, мои. Всю жизнь собирал, нищим жил.

— Значит, ваши? А кто же может это подтвердить.

— Да Катя же, у которой их взяли. Катерина моя. Она подтвердит.

— Хорошо,— ответил прокурор.— Допросим вашу Екатерину. А сейчас выйдите и подождите.

Когда за Рябинушкиным закрылась дверь, прокурор спросил Колосова:

— Теперь вы, конечно, поняли, как должны были избежать обмана? Следовало глубже поинтересоваться, почему из всей родни Рябинушкин допускал к себе только дочь. А вы вместо этого пустились на рискованные эксперименты. Ну, ладно. Пусть это будет вам уроком. А сейчас немедленно к Екатерине Рябинушкиной,— добавил прокурор.— Желаю успеха.

И это был, конечно, успех. Екатерина Рябинушкина выдала аккуратно по списку своего отца все ценности. Кроме того, у Рябинушкина было найдено несколько расписок, в числе которых была и расписка Тарковского, а также семьдесят шесть золотых десятков царской чеканки.

Все ценности и расписки, как рассказала Екатерина, она хранила по просьбе отца, который, кроме нее, никому не доверял.

Колосов вновь допросил Рябинушкина.

— Скажите, Рябинушкин, почему вы ничего не рассказывали о золотых десятках? Ведь они тоже хранились у дочери. Они ваши?

— Мои, десятки мои. Еще в старое время собирал, из жалованья откладывал на черный день. Да и чего собрал-то: всего сто штук.

— А вы точно помните, что их было сто? — спросил Колосов.

— Как же не помнить: я каждую свою вещь помню...

«Интересно,— подумал Колосов,— но я изъял только 76. Где же 24?»

Екатерина на этот вопрос не ответила.

— Сколько было, столько и есть, я их не считала,— заявила она.

На очной ставке, услышав показания отца, Рябинушкина вдруг упала на колени и запричитала:

— Папа, прости меня...

— Бог тебя простит, Катя,— ответил Рябинушкин.— Что случилось?

— Помнишь, папа, я тебе зимой приносила десятки, говорила, что знакомый дьякон их продает по дешевке, а ты их брал и перепродавал. Помнишь?

— Помню, Катя.

— Это были твои десятки...

Так кончился этот день. Он был поистине черным днем ростовщика Рябинушкина, который потерял не только все, что нажил своим нечестным промыслом, но и веру в дочь...

БЛАГОДАРНОСТЬ ПОТЕРПЕВШЕЙ ГЛЕБОВОЙ

Когда Колосов вошел по вызову прокурора, тот привстал и пожал ему руку.

— Поздравляю, Александр Иванович, прокурор республики объявил вам благодарность за дело Рябинушкина.

— Спасибо, Алексей Николаевич. Только в деле ничего особенного не было. Да и замечание я от вас получил по поводу допроса Рябинушкина.

— Помню. И замечание правильное, и благодарность правильная. Ведь и так бывает. Ну, а как у вас, Александр Иванович, обстоит дело с возмещением ущерба артели «Прогресс»?

— Потихоньку прогрессирует,— ответил Колосов.— Восемнадцать тысяч наличными и примерно на столько же ценностей уже изъято.

— Это неплохо. Только, судя по размаху хищений, я думаю, что у этих жуликов кое-что осталось.

— Безусловно. Но я постараюсь у них и эти «остатки снять». Некоторые наметки у меня есть.

Прокурор над чем-то задумался. Постучав карандашом по зеленому сукну стола, он сказал:

— А в общем, Александр Иванович, если во все дела заглянуть, мы еще плохо возмещаем государству ущерб, плохо. Но, по-моему, еще хуже обстоит дело с возмещением ущерба потерпевшим гражданам. Над этим еще никто как следует не задумывался. А жаль!

Утвердил я тут вчера обвинительное заключение по одному делу. Шайка воров совершила восемь квартирных краж. Восемь! А что возвратили потерпевшим? Ведь смешно даже говорить: одному потерпевшему комнатные туфли! А мало ли подобных, с позволения сказать, возмещений? Да вот далеко ходить не надо. Сегодня из милиции поступило дело. Преступление раскрыто отлично — в сутки. Преступники под видом работников «Мосэнерго» вошли в квартиру гражданки Глебовой. Угрожая ножом, забрали четыреста рублей и на тысячу восемьсот ценных вещей. На следующий же день их задержали, а ни одной вещи Глебовой, ни одной копейки не нашли. Ну, осудят их, а Глебовой ведь ненамного легче. Кто вернет ей трудовые сбережения, вещи?

Колосов внимательно слушал прокурора и полностью с ним соглашался. Из собственной практики он знал, что полное возмещение ущерба потерпевшим — это счастливый случай.

Почти неожиданно для самого себя он сказал:

— Алексей Николаевич, если не возражаете, разрешите мне закончить это дело. Посмотрю, возможно, не все сделано для поисков вещей.

— Ну, что ж. Не возражаю. Может быть, вам не только прокурор республики, но и Глебова благодарность объявит. Благодарность потерпевших — тоже великое дело для следователя.

Дело Лобачева и Журкина было не из сложных. Инженер Елена Михайловна Глебова занимала со своей дочерью, студенткой, однокомнатную квартиру в одном из новых домов на Первомайской улице. Утром 1 апреля в квартиру позвонили. На вопрос «кто» ответили: «Из «Мосэнерго».

Как только она открыла дверь, в коридор вошел молодой человек лет двадцати пяти. Он вытащил из кармана нож и коротко сказал Глебовой: «С первым апреля, гражданочка. Если пикнешь — будет хуже. Где деньги?»

Ошеломленная женщина вытащила деньги, приготовленные для покупки шубы, и вручила грабителю. Буквально через минуту в квартиру еще раз позвонили. «Два звонка. Кто бы это мог быть? — подумала Глебова. — Не выручат ли меня?»

Но, увы, вопреки ее ожиданиям, неизвестный сам спокойно открыл дверь. Кто вошел, она не видела: ее заставили отвернуться, но слышала, как первый сказал вновь вошедшему, чтобы он шел в комнату и собирал «барахло» и какие-то «рыжие вещи». Что они называли «рыжими вещами», Глебова поняла позднее, когда обнаружила, что в числе взятых грабителями ценностей были золотая брошь, обручальное кольцо и золотые часы дочери...

Минут через двадцать второй из преступников, которого она так и не видела в лицо, ушел, а первый оставался еще некоторое время. Затем и он оставил квартиру, предупредив, чтобы она во избежание неприятностей в течение часа никуда не выходила.

Но, как только дверь за преступником закрылась, Глебова позвонила в милицию. Оперативная группа немедленно выехала к ней на квартиру.

При осмотре места происшествия было изъято только одно вещественное доказательство — полированная шкатулка, в которой Глебова хранила мелкие безделушки и золотые вещи. На шкатулке был отлично виден четкий отпечаток пальца.

Сразу же после осмотра работники московской милиции приступили к поискам грабителей. А уже на следующий день один из участковых милиционеров

задержал у пивной палатки некоего Лобачева, которого отлично знал, так как тот уже дважды судился и отбывал наказания за кражи.

Наметанному глазу участкового показалось, что в кармане у Лобачева оружие. И он не ошибся. В кармане был финский нож.

Но Лобачев был не один. Он распивал пиво с незнакомым участковому парнем, с которым о чем-то беседовал. Этому парню — фамилия его была Журкин — участковый тоже предложил пройти в милицию.

Дальше дело развернулось следующим образом. Лобачева предъявили для опознания Глебовой в числе еще нескольких человек. Она тут же указала на него как на того из преступников, который вошел в квартиру первым и угрожал ей ножом.

Опознала она и нож, изъятый у Лобачева.

На очной ставке с Глебовой Лобачев признал, что участвовал в ограблении ее квартиры. Своим соучастником он назвал некоего «Дятла». Деньги они поделили и пропили, а вещи он поручил «Дятлу» продать.

Что же касается Журкина, то его он не знал и впервые увидел около пивной палатки, где их вместе задержали.

Журкин категорически отрицал и участие в преступлении, и знакомство с Лобачевым.

Однако виновность Журкина доказывалась отнюдь не только тем, что они вместе распивали пиво. Алиби, заявленное им, было опровергнуто, а экспертиза установила, что отпечаток на полированной шкатулке Глебовой оставлен указательным пальцем Журкина.

Для того чтобы предать Лобачева и Журкина суду, доказательств было достаточно. Но доказательства эти ничего не говорили о том, где могли находиться деньги и вещи Глебовой. С целью обнаружения вещей, подробное описание которых Глебова представила в рас-

поряжение следствия, Колосов совместно с работниками милиции разработал детальный план поисков. Затем он приступил к допросам арестованных.

Допрос Лобачева ничего не дал. Он клялся и божился, что не знает, где вещи, проклинал мифического «Дятла», который, по его мнению, воспользовавшись тем, что он, Лобачев, «загремел», скрылся куда-то с вещами.

Вор-рецидивист, видимо, привык разыгрывать подобные спектакли, и менее опытному следователю его поведение могло бы показаться искренним. Но Колосов отлично знал цену этой божбе и проклятиям.

— Не разыгрывайте простачка,— сказал он Лобачеву.— Ваш «Дятел» никакого отношения к делу не имеет, если он даже существует. Вот, ознакомьтесь с заключением экспертизы. Она установила, что отпечаток пальца на шкатулке Глебовой, в которой рылся ваш соучастник, оставлен Журкиным.

Лобачев охотно ознакомился с заключением эксперта и внимательно осмотрел фотоснимки, приложенные к акту.

«Сейчас скажет правду»,— решил Колосов.

Но этого не случилось.

— Экспертиза правильная. Покажите ее, гражданин следователь, Журкину, может, он вам что и скажет. Я его в дело путать не буду.

Но Журкин ничего другого, кроме того, что показал на первом допросе, говорить не желал. Ранее Журкин никогда не судился. Очевидно, его втянул в преступление Лобачев, который и проинструктировал своего ученика, как нужно вести себя в случае ареста. И Журкин продолжал настаивать на своих заученных показаниях.

— Поймите, Журкин,— убеждал его Колосов,— вы отрицаете свою причастность к преступлению вопреки

очевидным фактам. Я уже не говорю о том, что вас задержали вместе с Лобачевым и он признает свое участие в преступлении. Не говорю и о ложности вашего заявления, что первого апреля вы мылись в Семеновских банях: на ваше несчастье, именно первого апреля в этих банях был санитарный день. На месте происшествия обнаружили отпечаток вашего указательного пальца. Это ведь бесспорно свидетельствует, что в квартире с Лобачевым были именно вы. Неужели вы этого не понимаете?

— Подумаешь, нашли отпечаток пальца. Мало ли бывает таких отпечатков. Почему он мой? — отвечал Журкин.

Начиналось все сначала...

«А в самом деле, — раздумывал Колосов после очередного допроса Журкина, — он ведь может и не понимать значения этого доказательства. Не объяснить ли ему как следует?»

На другой день Колосов пришел в тюрьму со стопкой книг. Журкин, которого привели на допрос, немало был удивлен, увидев на столе следователя не хорошо знакомое «дело», а аккуратно разложенные книги.

Исходя рассматривая непонятные заголовки «Криминалистика», «Дактилоскопия», «Идентификация», он, вероятно, полагал, что следователь приготовил какой-нибудь хитрый подвох. Но Колосов и не думал готовить ему подвоха. Он лишь организовал для Журкина небольшое занятие по криминалистике. Роль преподавателя в этом занятии выглядела внешне очень скромной. Колосов отметил в книгах некоторые места и внимательно наблюдал за выражением лица Журкина, читавшего отчеркнутые страницы.

Сначала Журкин читал с недоверчивой ухмылкой. Но, по мере того как таяли страницы, он становился все более серьезным и сосредоточенным. Прервал он чтение лишь один раз для того, чтобы бросить беглый взгляд на кончики своих пальцев... А еще через несколько минут, вычитав в объемистом руководстве Локара фразу: «В мире нет двух людей с одинаковыми отпечатками пальцев»,— Журкин резким движением руки отодвинул от себя книги и сказал:

— Было дело. И не одно. Расскажу о всех, а то опять какие-нибудь книги принесете.

И Журкин чистосердечно рассказал о своих преступлениях.

С чего началось? Уволили с завода за прогул. Болтался без дела и однажды в Измайловском парке познакомился с Лобачевым. Тот очень сочувственно отнесся к беде Журкина, пригласил его в ресторан, угощал за свой счет. Назавтра все повторилось. А на третий день за графином водки рецидивист стал обрабатывать новичка: вначале осторожно, а по мере того как графин пустел, смелее. Он расхваливал Журкину прелести воровской жизни, известные ему будто бы от каких-то верных людей.

Как только Журкин, к тому времени изрядно захмелевший, стал ему поддакивать, Лобачев сказал: «А давай и мы попробуем».

Они «попробовали»: сняли с девушки часы. Продали и целый день пропьянствовали. Потом Лобачев признался, что он уже давно занимается кражами и два раза отбывал наказание в колонии.

— Мне колония — дом родной,— говорил он хвастливо,— а ты держись за меня: со мной нигде не пропадешь, даже там. Царь колонии — вор. И тем живем...

Еще через несколько дней они, отжав дверь, совершили кражу из квартиры на одной из Парковых улиц.

Взяли много носильных вещей и отнесли их какому-то старику, у которого распивали водку. Ушли оттуда с деньгами, но Лобачев ругался:

— Жмот, барыга, дал всего три сотни...

Этих денег хватило на неделю легкой жизни.

Когда в пьяном угаре расплакавшийся Журкин сказал, что, заработай он такие деньги, они с матерью хорошо бы прожили три месяца, Лобачев выругался и грубо сказал:

— Забудь мать. Мать вора — воля.

Запутавшийся в сетях рецидивиста слабовольный Журкин не нашел в себе силы порвать с ним и падал все ниже и ниже. Он действительно стал забывать мать, которая не могла уже с ним сладить и лишь смотрела с горестным укором, как он, возвращаясь ночью пьяным, шумно валился в грязной одежде на постель.

А преступления продолжались...

В конце марта, ненастной ночью, они остановили на безлюдном Измайловском валу торопливо шедшую женщину. Лобачев пригрозил ей финкой, а Журкин, обшарив сумку, вытащил оттуда все деньги. Потом была квартира Глебовой...

Вещи из этой квартиры они тоже понесли знакомому Лобачева, но того не оказалось дома. Пришлось спрятать вещи в глухом месте Измайловского парка. Там же с вещами спрятали триста рублей, а сотню они успели прогулять.

В тот же день, по окончании допроса, Журкин, с которым Колосов выехал в Измайловский парк, показал, где хранятся спрятанные вещи. А уже вечером Глебова расписывалась в их получении.

— Спасибо вам, товарищ Колосов, большое спасибо! — волнуясь, говорила она. — Нет ли у вас книги, куда можно записать благодарность?..

Проверив показания Журкина, Колосов убедился, что они полностью соответствуют действительности. Удалось арестовать и старого знакомого Лобачева, оканчившегося матерым скупщиком краденого. Обнаружение у него при обыске многих краденых вещей позволило раскрыть несколько краж, к которым Лобачев и Журкин не имели никакого отношения. Кто знает, сколько бы пылились на полках дела о нераскрытых кражах, если бы не правдивые показания Журкина!

А показания его были правдивы до мелочей. Более того, казалось, он не менее следователя заинтересован в возможно более полном установлении истины.

Наиболее ярко это проявилось при расследовании случая ограбления гражданки Н. на Измайловском валу.

Вначале у Колосова были некоторые сомнения, что Н. ограблена Лобачевым и Журкиным. Дело в том, что Журкин, рассказывая об обстоятельствах этого преступления, сообщил, что у неизвестной они отобрали 96 рублей, а Н. в своем заявлении указывала, что грабители взяли у нее 16 рублей.

Такая ситуация противоречила здравому смыслу, и Колосов было уже решил, что Лобачев и Журкин ограбили не Н., а другую женщину, которая не заявила об этом. Однако оказалось не так.

— Можете ли вы узнать грабителей? — спросил Колосов у Н.

— Нет. Было очень темно. И к тому же я испугалась и смотрела не на их лица, а на нож, который был в руках одного из них. Если бы видели, товарищ следователь, как зловеще он поблескивал в темноте!

Казалось, больше ничего нельзя было сделать для расследования этого случая. Но оставался один шанс, и Колосов решил его использовать.

— Скажите, Журкин. — спросил он на допросе, —

можете ли вы узнать женщину, у которой вместе с Лобачевым отобрали деньги?

— Да, смогу,— ответил Журкин,— я ее хорошо запомнил.

Действительно, когда Журкину предъявили нескольких женщин, он, кивнув головой на Н., тихо сказал:

— У нее мы взяли деньги.

— А сколько денег вы взяли? — спросил Колосов.

— Девяносто шесть.

— Сколько денег у вас было в сумке? — спросил Колосов у Н.

— Шестнадцать,— ответила она.

«Какая-то чертовщина,— подумал Колосов,— первый раз такое случается. А проведу-ка я между ними очную ставку».

Это была редкая очная ставка. Обвиняемый утверждал, что отобрал у потерпевшей сумму, в шесть раз превышающую ту, которую называла она.

Сначала Журкин давал показания на очной ставке спокойно. Потом, видимо испугавшись, что следовательно может не поверить его искренности, начал горячиться:

— Вы, гражданочка, наверное, забыли. У вас деньги лежали в двух местах. В одном, правда, было шестнадцать: это там, где лежала пудреница. Вы еще просили не брать ее, говорили — подарок мужа. Большая такая белая пудреница, на ней еще женская голова выдавлена. А восемьдесят, восемь десятков, лежали в книге. Я и название ее запомнил — «Широкое течение». Хотел взять почитать, да вы сказали: библиотечная. Ведь так было? Зачем вы следователя обманываете?

Н. молчала, потом вдруг расплакалась и попросила увести Журкина.

— Что случилось? — спросил Колосов, когда Журкина увели.— Почему вы плачете?

— Я обманывала вас,— продолжая всхлипывать, сказала Н.— И не только вас. Я и мужа своего обманывала... Дело в том, что муж ничего не знал об этих восьмидесяти рублях. Мне их дал один знакомый, добавил на пальто. Если муж узнает...

Но что произойдет в этом случае, Колосов так и не услышал. Н. опять заплакала.

— Ну, что мне сказать? Молодец! — пожал Колосову руку прокурор и, улыбнувшись, добавил: — А вашу просьбу в отношении Журкина обязательно учтем. Да, благодаря его чистосердечным показаниям немало преступлений раскрыто и не одной Глебовой возвращены украденные вещи. Он заслуживает снисхождения.

С этим согласился и народный суд.

БРИЛЛИАНТОВЫЕ СЕРЬГИ

Хитроумные проделки жуликов из артели «Прогресс» уже не занимали Колосова. Следствие подходило к концу. Достаточно ясно было и Колосову и обвиняемым, что преступление раскрыто и доказано.

«Прогрессмены», как метко назвал своих соучастников их глава, начальник цеха Рузак, долго и успешно выпускали без учета трикотажные изделия и сбывали их через несколько крошечных промтоварных палаток, разбросанных на московских рынках. Такого рода дела, которые именовались делами о выпуске «левой» продукции, Колосову приходилось вести. И как их доводить до конца, он знал.

Сейчас Колосова волновало другое. Где ценности, нажитые дельцами и комбинаторами? Правда, немало уже было изъято, но Колосов был уверен, что еще больше осталось.

Не сомневался в этом и прокурор города. Он уже неоднократно спрашивал, полностью ли возмещен ущерб, и если нет, то почему.

Многие из дельцов сознались. Да им и невозможно было устоять под натиском бесспорно доказанных подлогов, заключений экспертов, показаний рабочих артели. Но признания не были чистосердечными. Жулики тщательно утаивали то, что они нажили, бессовестно обворовывая государство. Смешно было слушать,

как они лгали о своих ресторанных похождениях, будто бы поглощавших десятки тысяч, а некоторые плаксиво лепетали о баснословных проигрышах в карты и другие азартные игры.

Особенно «отличился» один из обвиняемых, заявивший, что он проиграл пять тысяч рублей на тотализаторе.

— Можете ли вы нарисовать мне, как выглядел этот тотализатор? — скрывая улыбку, спросил Колосов.

— Могу, — не задумываясь, ответил тот и нарисовал на протоколе допроса подобие рулетки.

Что же касается ресторанных кутежей, то Колосов достоверно знал, что лишь один кладовщик Печкин проматывал деньги в пьяном угаре.

Вспомнив Печкина, Колосов поморщился. С ним был связан один из казусов, о котором он не мог вспомнить без стыда: так смешно он тогда выглядел.

Закончив в квартире Печкина обыск, Колосов еще раз пересматривал отложенные для изъятия различные вещи и переписку. И тут его внимание привлекла фотография человека с надутой физиономией во франтоватом пиджаке и с кокетливым бантиком на белоснежной манишке. От всего облика этого субъекта веяло чем-то не нашим, не советским.

Перевернув фотоснимок, Колосов слегка вздрогнул. Слишком красноречива была надпись: «Другу Печкину от того, кто на той стороне».

Колосову сразу представились преступная связь Печкина с кем-то «на той стороне», темные операции контрабандистов, спекуляция валютой и многое другое.

Стараясь сохранить спокойствие, Колосов показал Печкину на снимок и спросил:

— А это кто?

— Дружок мой... Васька,— невозмутимо ответил Печкин,— официантом в «Каме» работает.

— Неправду говорите,— возразил Колосов.— Взгляните, тут черным по белому написано: «От того, кто на той стороне».

— Ну, конечно, написано,— непонимающе сказал Печкин.— А что тут такого? Здесь написано, а на той стороне Васькин портрет, карточка от него же, от Васьки.

Смущен был Колосов до крайности. Его долго мучила мысль, поняли ли понятия, в каком глупом положении он оказался. Неприятное впечатление от этого эпизода сглаживалось только тем, что у Печкина была изъята единственная в своем роде коллекция. Она состояла по меньшей мере из сотни ресторанных меню. На каждом из них стояла дата и истраченная сумма.

Но не такими были другие обвиняемые. Они отличались от гуляки Печкина и большей осторожностью, и большей хитростью.

— Не успокоюсь, Алексей Николаевич, до тех пор,— докладывал Колосов в очередной раз прокурору,— пока все до последней копейки не будет возвращено государству.

И Колосов не успокаивался. Ему давно уже было ясно, что обыски не дали результатов только потому, что почти все обвиняемые хранили деньги и ценности на стороне. Но где именно? У кого?

В один из дней, когда Колосов настойчиво искал ответы на эти вопросы, к нему явилась жена обвиняемого Пруксанова.

— Отпустите моего мужа на поруки,— попросила она.

— Это невозможно,— ответил Колосов.— Он совершил преступление.

— Ну, отпустите же,— не унималась Пруксанова.— Вы такой умный, хороший...

Колосов неодобрительно посмотрел на посетительницу, которая явно кокетничала, и уже хотел было попросить ее выйти, как вдруг обратил внимание на одну деталь. В ушах Пруксановой поблескивали небольшими бриллиантами золотые серьги.

«Интересно, откуда они? — подумал Колосов.— При обыске их не было ни в квартире, ни на ней».

План действий возник моментально.

— До свиданья,— попрощался Колосов.— Повторяю, что просьбу вашу исполнить невозможно. Замечу также, что ведет себя ваш муж не искренне. Немало задолжав государству, он прячет нечестно нажитое добро. Не исключено, что мы у вас еще раз произведем обыск.

— Спасибо,— невпопад ответила Пруксанова и, пятясь, вышла из кабинета.

Как только за ней закрылась дверь, Колосов позвонил в кабинет криминалистики.

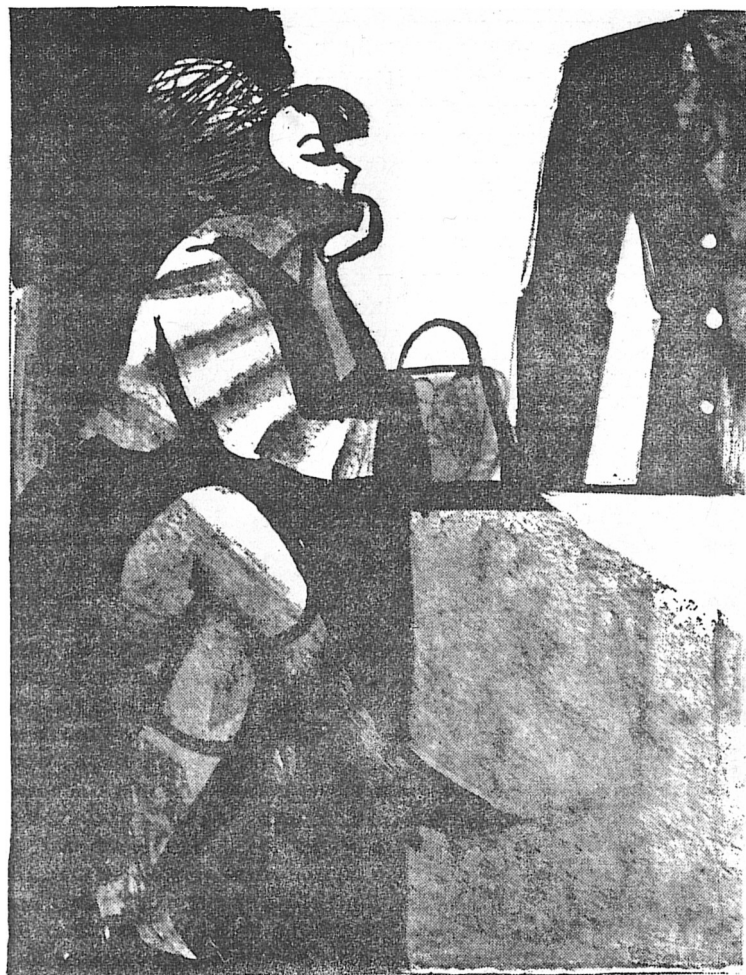
На следующий день Пруксанова была вызвана в прокуратуру. Отметив про себя, что явилась она без серег, Колосов еле заметно улыбнулся: предупреждение об обыске возымело действие,

— Ирина Борисовна,— обратился он к Пруксановой,— в частичное погашение ущерба, причиненного вашим мужем, я мог бы принять имеющиеся у вас бриллиантовые серьги. Прошу вас их выдать.

— Но у меня нет и не было никаких бриллиантовых серег,— заметно волнуясь, ответила Пруксанова.

— Вы, наверное, не подумали, прежде чем ответить,— возразил Колосов.— Ведь только вчера вы приходили в этих серьгах.

— Серьги у меня были, но давно, и вчера ни в каких серьгах я к вам не приходила. Не берите меня на

пушку и оставьте свои фокусы,— уже вызывающе заявила Пруксанова.

— Вы меня извините, Ирина Борисовна, не совсем понимаю, что значит брать на пушку. Что же касается фокусов, то некоторое представление я о них имею.

Выдвинув средний ящик стола, Колосов вытащил фотоснимок и протянул его Пруксановой. Ирина Борисовна была запечатлена выходящей со двора прокуратуры. Ее украшали серьги.

Пруксанова оторопела и растерянно смотрела то на Колосова, то на снимок. Такого сюрприза она никак не ожидала. Деваться было некуда. Нужно было сказать, где находятся серьги. А это значило сказать, где хранятся все ценности, преступно нажитые ее мужем. Она проклинала себя за то, что хотела пококетничать со следователем и нацепила изящные серьги, за то, что, напуганная предупреждением о предстоящем обыске, вновь унесла их из дому и так глупо попала в ловушку.

— Пойдемте,— устало и безразлично сказала Пруксанова.

Через час хозяин небольшого одноэтажного дома в районе Черкизово по просьбе Ирины Борисовны выдал Колосову чемоданчик с деньгами и ценностями Пруксанова.

Поверх газеты, закрывавшей пачки денег, облигации внутреннего займа, золотые портсигары и другие ценности, лежали злполучные серьги.

— Прошу заметить, что серьги лежали именно тут,— сказал Колосов понатым,— иначе Ирина Борисовна потом скажет, что ее взяли на пушку.

«Психология жулика такова,— рассудил Колосов,— что, узнав о потере всего нажитого, он не преминет помочь отобрать ценности и у других».

Так и оказалось.

— Я мелкая сошка,— ныл на допросе Пруксанов.— Вы бы китов, Александр Иванович, потрясли. Рузака, например. Он куда хитрее. Сам мне говорил когда-то, что нет ничего вернее, как хранить добро у таких людей, о которых худого никто и не подумает. Помню, сказал мне однажды, есть у него один такой знакомый, как выразился он, не от мира сего, честный и порядочный человек, инженером работает. Так он ему все ценности в портфеле принес и попросил: «Побереги, Петрович! В квартире у меня с соседями нелады, боюсь, по злобе изорвут, а тут важные проекты по переоборудованию цеха, созданию поточных линий, внедрению автоматики». Слышите, Александр Иванович, автоматики! — Пруксанов усмехнулся.— Ну, а тот Петрович уши развесил, портфель взял да еще похвалил Рузака: «Вижу, говорит, брат, что болеешь за дело, не зажил на руководящей работе...»

Найти «Петровича» и изъять у него портфель Рузака представлялось Колосову не очень уж сложным делом.

И вот опять допрос Рузака.

— Прошу вас, Семен Семенович, перечислить мне всех своих родственников и знакомых без всякого исключения.

— Если не секрет, Александр Иванович, к чему вам это? Не собираетесь же вы их пугать связями со мной?

— Угадали, Семен Семенович, связями пугать не собираюсь. Просто я не верю, что у вас нет никаких ценностей, и попытаюсь их отыскать с помощью ваших знакомых.

Такая откровенность следователя явно обескуражила Рузака. Но тут же какая-то хитринка мелькнула в его узких припухших глазках, и он, пожав плечами, сказал:

— Пожалуйста, записывайте...

Расчет Колосова оказался верен. Кого только не перечислил Рузак. Здесь были и профессора, которые когда-то консультировали его по поводу болезни желудка, и артисты — случайные знакомые по курорту, и ответственные работники министерства. Не оказалось в длинном списке лишь инженера с отчеством Петрович.

Довольный результатами допроса, Колосов попрощался с Рузаком. «Хитер, — подумал он, — но не очень. Теперь уже бесспорно — ценности у этого Петровича».

Жена Рузака, полная, рыхлая женщина, поминутно притворно хватавшаяся за сердце, тоже перечислила на допросе немало знакомых: и своих и мужа. Но опять Петрович упомянут не был.

И лишь их пятнадцатилетний сын Толя назвал в числе знакомых семьи инженера Александра Петровича.

— Дядя Саша у нас редко бывает, — сказал Толя. — Много работает, и ему некогда. Но когда к нам приходит, то всегда дарит мне книги. Последний раз, это с полгода назад было, подарил мне «Береги честь смолоду». Хорошая такая книга.

— А где живет дядя Саша? — спросил Колосов.

— Я никогда у него не был и не знаю. Но где-то далеко от нас.

— Толя, а книжка цела у тебя?

— Конечно, — ответил мальчик.

По просьбе Колосова Толя в этот же день привез книгу. Крупным почерком на титульном листе было выведено: «Дорогому Толе от дяди Саши. Береги честь смолоду».

И снова допрос Рузака. На этот раз он был значительно короче.

— Семен Семенович, — начал Колосов. — Уже много раз мы с вами беседуем, но никак не можем договориться. Честности вам не хватает... Да и откуда ей взяться. Честь-то нужно беречь смолоду. Вот, кстати, по

этому вопросу и книжка хорошая есть,— покопавшись для виду в столе, Колосов вытащил книгу, которую одолжил у Толи.

Увидев книгу, Рузак изменился в лице. Подавив в себе волнение, он открыл обложку. Заговорил он минуты через две чужим хриплым голосом:

— Зачем? Зачем вы устроили этот спектакль? Вам мало было посадить меня в тюрьму, мало было описать мое имущество... Вам этого мало. Теперь у вас и все то, что я копил многие годы... Чего же вам нужно еще? Запутать в наше дело ни в чем не повинного человека? Но он же думал, что в портфеле...

— Успокойтесь, Семен Семенович, я знаю, что он думал. Мне нужно, чтобы вы написали письмо Александру Петровичу с просьбой вручить мне все ваши проекты по переоборудованию цеха, поточных линий и созданию автоматики.

Рузак тупо посмотрел на Колосова.

— Как? Он... Они еще не у вас?

И тут он понял, что сам отрезал себе путь к отступлению.

Александр Петрович, сразу же отдавший портфель Рузака, с удивлением смотрел, как Колосов извлекал из него пачки денег, сберегательные книжки на предъявителя.

У него поминутно раскрывался и закрывался рот, будто он хотел что-то сказать, но не находил слов.

Колосов с невольной улыбкой посмотрел на ошеломленного инженера и мягко сказал:

— Не удивляйтесь, Александр Петрович! Рузак не только нас, но и вас, своего товарища, обманывал. Может, и не случилось бы этого — подари вы ему вовремя такую книжку, как «Береги честь смолоду».

А еще через несколько дней после очной ставки с Рузаком выдали ценности и другие обвиняемые.

— Можно ставить точку,— докладывал Колосов прокурору города.— Ущерб по делу артели «Прогресс» возмещен.

— Отлично, Александр Иванович! Я не сомневался, что так и будет, но... Но все-таки я бы пока поставил запятую. Нужно,— продолжал прокурор,— рассказать рабочим артели все об этих хапугах, о том, какие ценности они нажили грязными делами, и о том, наконец, чем все это кончилось. Думаю, что после этого они поручат поставить точку общественному обвинителю.

СЕКРЕТ ДЕНЕЖНОГО ПЕРЕВОДА

Ксения Николаевна Гордеева с удивлением смотрела на бланк денежного перевода. Пятьдесят рублей! От кого бы это могло быть? Ответа на этот вопрос бланк не содержал. Не сказали Ксении Николаевне, кто перевел ей деньги, и на почте.

— Отправлены они вам из Ангарска, — объяснила девушка, — а кто — не знаем. Вот распишитесь здесь в получении.

Ксения Николаевна деньги получила, но домой их не взяла, положив там же, в здании почты, на сберегательную книжку. Всю жизнь привыкшая зарабатывать своим, и только своим, трудом, она считала, что пользоваться этими деньгами, неведомо за что и от кого полученными, не может.

А переводить деньги действительно было некому. Война унесла с собой мужа и сына. Ксения Николаевна жила вдвоем с дочерью Верочкой, восемнадцатилетней девушкой, которая после окончания десятилетки пошла по пути матери — старой московской ткачихи. Родни у них больше никакой не было.

Что же касается знакомых, то из них никто не жил в молодом сибирском городе Ангарске.

Верочка удивлялась не меньше матери.

— Право, мама, не смотри на меня так, — ежилась она под встревоженным взглядом. — Понятия не имею, от кого деньги. Ты же знаешь, с кем я дружу. С Юркой.

А с чего бы он мне посылал деньги из Ангарска, когда живет в нашем доме?

Но Ксения Николаевна не успокаивалась. Куда она только не ходила: и в профком, и к директору фабрики, и даже зачем-то в собес. Но никто ничего не мог сказать ей.

Работницы из бригады Гордеевой посмеивались:

— Может, ты, Николаевна, алименты получаешь? Не таись!..

...А через месяц, когда эта история стала понемногу забываться, неожиданно пришел второй перевод, и тоже на пятьдесят рублей.

Тут уж Ксения Николаевна встревожилась не на шутку. Хотела было отказаться от перевода, но знакомая девушка из почтового отделения сказала, что если отправить деньги обратно, то она никогда и не узнает, кто и за что ей их посылает.

Между тем именно это Ксении Николаевне больше всего хотелось знать. «А не поможет ли мне Александр Иванович?» — подумала она, вспомнив, как несколько лет назад старший следователь умело изобличил двух воров, обокравших ее и замешанных еще в каких-то темных делах.

Колосов сразу же узнал ткачиху Гордееву. Вначале никак не удавалось обнаружить виновников кражи, и его, да и всю прокуратуру атаковала тогда дружная семья большой московской фабрики, упрекая, что понапрасну, видно, государство платит деньги тем, кто и воров-то простых поймать не может.хлопот с этим делом было много. Впрочем, сама Гордеева почти не беспокоила Колосова. Не надеялась, видимо, что вернут ей годами накопленные сбережения. А деньги нужны были ей для большого дела...

И действительно, хотя воров и поймали, да поздно: успели они все прогулять и пропить.

— Какая забота привела вас ко мне? — усадив Ксению Николаевну и присев с ней рядом, спросил Колосов. — Неужели опять что-нибудь случилось?

— Нет, Александр Иванович, все слава богу. Да вот дело меня одно беспокоит...

И Гордеева рассказала ему о своих волнениях.

Успокоив Ксению Николаевну, Колосов пообещал в ближайшие же дни все узнать. Через несколько минут он заказал разговор с почтой г. Ангарска.

А спустя неделю на его имя пришел объемистый пакет. Рассмотрев штемпель на марке и взглянув на фамилию отправителя, Колосов, чему-то улыбнувшись, вскрыл конверт и прочел письмо:

«Здравствуйте, Александр Иванович! Деньги Гордеевой переводил я. Буду переводить и дальше, пока не рассчитаюсь с ней до последней копейки. Никогда в своей жизни не думал я о той беде, которая шла от меня людям. Да у нас, воров, и людьми-то считали только воров. Тогда на следствии я сказал вам правду: денег и вещей Гордеевой (всего тысячи на две) хватило нам на десяток дней воровского веселья. Потом опять колония. И в колонии ни о чем не думал. Поесть бы да поспать, а работать — ни-ни, не делом вора считалось работать. В колонии-то я уж третий раз. Возможно, и до сих пор не понял бы я своей пустой и дикой жизни, да пришло мне в колонию письмо. Не знал я ни матери, ни отца, не было у меня ни одного родного человека — и вдруг мне письмо. А открыл, прочел — и стало мне это письмо самым дорогим в жизни. Сыном меня в нем обещали назвать! И кто! Перевернулось во мне что-то и понял твердо: по-старому жить нельзя. Собрал я кое-кого из воров. Прочитал письмо. Ну, кто пересмеивался и сплевывал, а кто крепко задумался. В общем, нашлись у меня сторонники, хотя и трудно было отбить их от фальшивых воровских законов. Начали мы рабо-

тать за двоих, за троих с одной мыслью — досрочно освободиться и, став на честный путь, сполна отдать все потерпевшим от нас. Зарабатывать для этого на воле нужно было немало. Требовалась квалификация, и я ее получил. Недавно меня досрочно освободили. Работаю экскаваторщиком на великой ангарской стройке. И здесь даю не меньше, чем по полторы нормы... Вы, наверное, читаете и смеетесь, не верите, что Федька Фикса стал такой. Так вот, Александр Иванович, прочтите письмо, которое я вам пересылаю, и все поймете. Прошу вас письмо мне вернуть, берег его все время свято. А еще прошу не говорите Ксении Николаевне, кто посылает ей деньги. Боюсь, начнет она мне их возвращать. Придумайте что-нибудь, чтобы поверила... Бывший вор Федька Фикса, теперь экскаваторщик Федор Машков».

С нетерпением Колосов развернул второе письмо. Оно было сильно потерто, а в двух местах даже разорвано по складкам, но аккуратно склеено узкими полосками газетной бумаги. Видно, прошло оно за несколько лет не одну сотню рук.

«Здравствуй, Федор! Нарочно узнала твой адрес. Уж больно хотелось мне по душам поговорить с тобой. Сначала напишу, к кому ты со своим дружкой залез. Может, это тебе интересно будет знать. Сама я из рабочей семьи. Отец мой, набившик с Трехгорки, в девятьсот пятом пошел за светлую жизнь своих детей и внуков на баррикады и был убит на той же улице, где мы живем и которая зовется теперь Баррикадная. С четырнадцати лет работаю на одной фабрике — поступила туда ученицей за год до того, как началась первая мировая. Восемнадцать лет замуж вышла. Жизнь в то время была голодная и трудная. Одну за другой похоронила двух дочек — Надю и Любу. Потом сын у нас родился — Сережа. Поздно уж появилась у нас дочь Ве-

ра, та самая, три платица и кофточку которой вы утащили. В 1941 году муж мой Николай и Сережа в один день пошли на фронт и через два месяца оба сгорели под Можайском в одном танке. Вдвоем мы остались с дочкой. Но выходила ее, ничего. Ни я, ни люди не обижаются, седьмой класс кончает, по дому мне помогает. Работаю я до сих пор. Думка у меня была одна: скопить денег и Николаю с Сережей памятник поставить. Себе с дочкой во всем отказывали, на книжку рубль за рублем откладывали. Как на грех, за три дня до вас взяла деньги с книжки — накопили сколько надо. Вот все эти деньги вы и взяли, да и вещи все хорошие. На суде ты говорил, что за десять дней проживу свою вы пропили, а я-то десять лет копила... Вот и скажи ты мне: правильно или нет вы сделали, что так поступили? Не так меня, как память Николая и Сережи вы обидели. Но не из-за этих денег я пишу. Не так мне жалко их, как тебя. При Советской власти ты родился, а волком живешь. Говорили у нас в старину: что вор, что волк. Правильно говорили. Одумайся, Федор. А одумаешься — честно свой срок отработаешь, приезжай к нам погостить. Больно хочу знать я, понял ты чего или нет. А заслужишь — и сынком тебя назову».

С первых строк понял Колосов, кто писал Машкову. Вздвоненный, он дважды прочитал письмо от начала до конца и понял, что это матерински теплое письмо, письмо человека большой и благородной души, подействовало на Машкова сильнее, чем обвинительные речи прокуроров и приговоры суда.

И еще подумал Колосов: стоит ли скрывать от Ксении Николаевны, кто переводит ей деньги?..

КАБАНИХА ИЗ ДУБРОВСКОГО ПОСЕЛКА

Рабочий день уже заканчивался, когда Колосова вызвал начальник отдела Петр Дмитриевич Холодов. В его кабинете сидела следователь одной из районных прокуратур Метелина и докладывала Холодову какое-то дело.

Увидев Колосова, Метелина нахмурилась и, недружелюбно посмотрев на него, замолчала.

— Продолжайте, Ольга Васильевна, Колосова вы можете не стесняться, и незачем так сердито на него смотреть. Впрочем, пусть уж лучше Александр Иванович послушает все сначала.

— Петр Дмитриевич! — взволнованно заговорила Метелина. — Вы думаете, я не догадываюсь, зачем Колосова вызвали? Дело отобрать хотите. Бойтесь — не справлюсь. Да?

— Мы слушаем вас, — коротко сказал Холодов.

— Это случилось позавчера, в мое дежурство... Ночью многих жителей одного из домов Дубровского поселка поднял на ноги истошный женский крик о помощи. Когда полуодетые люди, вооружившись чем попало, выбежали во двор, то увидели жительницу этого же дома Варвару Заикину, лежавшую ничком на земле. Платье на ней было разорвано и в крови. «Помогите, — прохрипела Заикина, — бандиты...» — и умолкла. С первой же проезжавшей машиной ее отправили в больни-

цу. Дверь в квартире Заикиной оказалась открытой настежь. На полу кухни лежала окровавленная невестка Заикиной — Вера. Кто-то догадался прощупать у нее пульс. Он бился. Через десять минут карета Скорой помощи увезла и Веру, а спустя еще минут двадцать я с оперативной группой приехала на место происшествия.

Метелина на минуту замолкла, перевела взгляд с Холодова на Колосова и продолжала:

— Бандиты, видимо, здорово похозяйничали. В поисках ценностей они все перевернули вверх дном. Повсюду валялись вещи, которые налетчики не успели захватить. Мебель и полы в квартире были перепачканы кровью. Мы вызвали мужа Веры, Федора Заикина. Он работал на заводе в ночной смене. Просили сказать, что пропало, но он, как увидел кровь, словно язык потерял. Слова не мог сказать. Потом уж прошептал: «Не знаю. Хозяйством мать занималась. Мои вещи вроде все целы...»

Наутро в больнице допросили Варвару Заикину. Она рассказала, что часов около одиннадцати вечера к ним постучали. Ничего не подозревая, она открыла дверь. Тут же в квартиру ворвались двое в масках. У одного в руке был нож, у другого наган. Потребовали деньги. Она сказала, что их нет. Тогда ее ударили в грудь ножом, и она потеряла сознание. Когда очнулась, в квартире уже никого не было, а на кухне лежала якобы убитая Вера. Она не помнит, как выбралась на улицу и закричала... Сегодня мне врачи разрешили допросить Веру. Она, хотя и в тяжелом состоянии, но в сознании. На вопрос, какие приметы были у бандитов,— других я не задавала, чтобы ее не утомлять,— Вера вдруг заявила, что ее хотела убить свекровь. Подробностей никаких. Шептала только: «Свекровь, свекровь...» Вот и все.

— Ну, а ваше мнение, Ольга Васильевна? — спросил Холодов. — Что же все-таки случилось в квартире Заикиных?

— Думаю, нужно искать бандитов, Петр Дмитриевич. С врачами я советовалась насчет показаний Веры. У Веры очень серьезно травмирована голова, сказали они и объяснили, что в таких случаях нередко происходят провалы памяти, амнезия, что ли, и потерпевший может наговорить, что угодно.

— Вам, Александр Иванович, происшествие ясно?

— Не совсем, Петр Дмитриевич. Ольга Васильевна недостаточно подробно, как мне кажется, обрисовала обстановку места происшествия. Потом она ничего не сказала, какие раны были у Варвары Заикиной.

— Я же говорила, — начала Метелина, не глядя на Колосова, — что в квартире было много крови, вещи все были разбросаны, и, по-видимому, немало из них исчезло. А больше ничего интересного мы там не нашли. У Заикиной же на левой половине груди глубокая ножевая рана...

— Александр Иванович, я вас, собственно, вот зачем пригласил, — сказал Холодов. — Были у меня товарищи из института, где учится Вера. Институт взбужден, требуют принять все меры, чтобы поймать преступников. Ожидают показательного процесса... А после этого вызывал меня Алексей Николаевич. Он, оказывается, принял целую делегацию с завода, на котором работает Федор Заикин. Рабочие возмущены до предела. Разве, говорят они, мы можем спокойно работать в ночной смене, если на наши семьи нападают бандиты? В общем, прокурор города приказал дело вести нам. Метелина еще молодой следователь. Подобное дело у нее впервые, и оно не совсем уж такое простое, как это кажется. Прошу вас, Александр Иванович, им

заняться. А вас, товарищ Метелина, мы прикомандируем к Колосову для участия в расследовании. Не возражаете?

Допоздна задержались Колосов и Метелина, составляя план расследования. Зато уже утром они смогли начать его реализацию.

Поехали на повторный осмотр квартиры Заикиных. Ее уже привели в порядок: все было прибрано и вымыто. Единственное, что привлекло внимание Колосова, это несколько буро-красных пятен на нижних перекладинах обеденного стола и множество мазков такого же цвета на изнанке клеенки.

Колосову было ясно, что и на перекладки, и на клеенку кровь могла попасть лишь в случае, если под столом находился окровавленный человек.

Заканчивая составлять протокол, Колосов спросил у Федора Заикина:

— Разобрались ли вы, что исчезло из квартиры?

— Признаться, так и не знаю. Впрочем, одна большая ценность, кажется, пропала,— невесело сказал Заикин,— пестика нашего никак не найду.

— Какого пестика? — насторожился Колосов.

— Да которым мы сахар, сухари толчем. Собрался сахарной пудры натолочь Вере, любит она с дыней, так и не нашел. Завалился небось куда-нибудь.

— А пестик этот приметный?

— Конец у него отломан. Его и в утиль за пятак не возьмут.

Колосов забарабанил пальцами по столу. Потом встал и посмотрел зачем-то в окно.

— Вот что, товарищи понятые,— сказал он,— продолжим наш осмотр.

Колосов спустился во двор и, наклонившись, начал внимательно осматривать небольшой палисадничек под окнами Заикиных. Вскоре он что-то заметил и поднял. В руках у него был пестик с обломанным концом.

— Ваш пестик? — спросил Колосов Заикина.

— Наш, — ответил тот, содрогнувшись при виде пучка светло-русых волос, прилипших к целому концу тяжелого пестика.

— Здорово у вас получилось, Александр Иванович, с пестиком.

— Не у «вас», а у нас, — мы ведь дело ведем вдвоем. Я, Ольга Васильевна, с самого начала не очень-то поверил в провал памяти у Веры, в амнезию, а когда вы рассказали нам, со слов Варвары Заикиной, что, выбираясь из квартиры, она увидела «убитую Веру», мои подозрения усилились. Почему она сказала «убитую». Ведь Вера была жива. Да только потому, что она была убеждена в смерти Веры, убеждена в том, что ее убила. Еще мне показалось странным, что крик она подняла лишь во дворе. В этом была нарочитость. Почему она не закричала сразу, как только пришла в себя?

— Александр Иванович! Но за что она ее? Мотивы нужны. Правда? А потом ведь Варвара Заикина тоже ранена, и сильно. Может, этим пестиком бандиты орудовали, пока Варвара лежала в беспамятстве?

— Может быть, может быть... — рассеянно ответил Колосов. Он что-то обдумывал. — Вот что, Ольга Васильевна, прошу вас подготовить постановления о назначении экспертиз, о которых мы говорили, а я съезжу к Варваре Заикиной. Возможно, она ответит на некоторые наши вопросы.

Колосов вернулся из больницы чем-то очень довольный.

— Наверное, Заикина созналась? — спросила Метелина. — Чему вы так улыбаетесь?

— Не созналась, но изобличила сама себя как нельзя лучше. Представьте себе, она заявила, что пестик, который я ей предъявил, видит первый раз в жизни. Свой-то пестик! Каково? Это, по-моему, очень веская улика. Или, Ольга Васильевна, у нее тоже амнезия?

Взглянув на надувшуюся Метелину, Колосов примирительно добавил:

— Не сердитесь, Ольга Васильевна. Я пошутил. Ну, давайте посмотрим, как у вас с постановлениями.

Сделав кое-какие поправки и добавив несколько вопросов, Колосов подписал постановления и позвонил в бюро судебно-медицинской экспертизы.

А уже через два дня Колосов получил заключения. Они так и просились в цепочку улик против Варвары Заикиной. Эксперты пришли, во-первых, к выводу, что повреждения головы Веры причинены вероятнее всего пестиком и волосы, прилипшие к нему, сходны с ее волосами, во-вторых, что ножевая рана на груди у Заикиной нанесена ее собственной рукой. Давая такое довольно смелое заключение, эксперты обосновывали его очень убедительно. Они указали, что на груди, около ножевой раны (она, кстати, оказалась несерьезной), имеются крошечные колотые ранки. Многолетней судебно-медицинской практике хорошо известно происхождение такого рода точечных повреждений. Человек обычно сразу не решается нанести себе ранение и сперва, как бы примериваясь, ударяет себя слегка.

Экспертиза установила также, что кровь на пестике, клеенке и перекладинах стола совпадала по группе с кровью Веры, а кровь на одежде Заикиной была кровью не одного, а двух человек, одним из которых могла быть Вера.

Между тем Вере стало лучше, и Колосову разрешили ее допросить.

Вера рассказала, что тем памятным вечером, когда она осталась дома со свекровью, та вдруг ни с того ни с сего ударила ее сзади чем-то тяжелым по голове. В полуобморочном состоянии, скорее инстинктивно, чем сознательно, она спряталась под стол, но и там Заикина ее несколько раз ударила. Собрав последние силы, она вылезла из-под стола и даже попыталась вступить в борьбу, но тут же была оглушена еще одним ударом, сделала несколько шагов в сторону кухни и упала...

Вначале, как рассказывала Вера, свекровь относилась к ней хорошо, все говорила, что их ждет впереди счастливая и почему-то богатая жизнь. Но потом Варвара стала беспричинно упрекать и незаслуженно оскорблять невестку. Это повторялось все чаще и, наконец, привело к трагической развязке.

Вера не понимала, что могло так резко изменить к ней отношение свекрови.

От Заикиной (она уже была арестована и содержалась в тюремной больнице) узнать ничего не удалось.

— На нас напали бандиты,— утверждала она.

Ничего толком не мог сказать и Федор Заикин. Он был потрясен показаниями Веры.

— Ни мать, ни Вера никогда мне друг на друга не жаловались,— растерянно говорил он,— я ничего не могу понять.

А Колосову и Метелиной было очень важно выяснить мотивы покушения.

— Александр Иванович,— предложила Метелина.— Давайте вызывать и допрашивать подряд всех родственников и знакомых Заикиных. Ведь не может быть, чтобы никто из них ничего не знал.

— Не думаю, Ольга Васильевна, что мы поступим

правильно. Нам должно быть дорого не только свое время, но и время многих людей, вызов которых может оказаться напрасным. Нужно сделать иначе...

У дверей домоуправления толпились жильцы. Внимание их привлекло необычное объявление. Оно не призывало соблюдать чистоту и вовремя платить за квартиру, сдавать пищевые отходы и не нарушать общественный порядок.

«Товарищи жильцы! — было выведено на нем четкими крупными буквами. — Недавно было совершено покушение на жизнь студентки Веры Заикиной. О том, что установило расследование, сегодня расскажет старший следователь тов. Колосов. Вы все приглашаетесь на это сообщение...»

Просторный красный уголок. Стулья, подоконники, проходы занимали не только жильцы дома, в котором живут Заикины, но и многие граждане из соседних домов. Слух о необычном сообщении дошел и до них.

Колосов немного волновался. Получится ли так, как он предполагал, или надежды его не оправдаются?

Но вот он встал и заговорил. Теперь даже самый внимательный слушатель не заметил бы волнения в голосе этого по виду очень строгого человека в форме работника прокуратуры.

Речь его была спокойна и проста.

В сути фактов все присутствующие разобрались очень скоро. То и дело тишина нарушалась возмущенными возгласами, а несколько женщин вытирали платками глаза. Колосов заканчивал.

— Товарищи, — сказал он, — я доложил вам дело от начала до конца. Судя по тому, как вы негодуете, вам,

как и мне, ясно, что случилось в квартире Заикиных. Не остается, видимо, сомнений о том, что не бандиты, а сама Варвара Заикина расправилась с Верой. Но есть еще в деле одно темное место, которое мы желали бы прояснить с вашей помощью. Нам непонятно, за что хотела Заикина убить свою невестку, почему она решилась на такое страшное преступление. Хотелось, чтобы вы помогли разобраться нам в этом. Каждого, кто знает что-нибудь интересующее нас по делу, прошу, не стесняясь, заходить ко мне...

Придя утром на работу, Колосов у двери своего кабинета увидел старушку.

— Здравствуй, касатик! — сказала она, поднимаясь ему навстречу. — Ты вчера нам про Варьку докладывал. Я и пришла тебе кой-чего сказать. Варьку-то я еще девкой помню...

Старушка была первой, кто откликнулся на просьбу Колосова.

Вслед за ней пришли и другие. Они о многом рассказали Колосову и Метелиной. И тогда темное место в деле стало едва ли не самым ярким.

Варвара родилась в семье замоскворецкого купца Мальцева. В доме от утренних до вечерних самоваров разговор шел только об одном — о деньгах. Заговорили о чьих-то крестинах: в копеечку вошли крестины, чай, тыщу выложили; о чьей-то свадьбе: приданого, рассказывают, на двадцать тыщ с девкой дали; о похоронах: всем нищим, а их что тараканов было, по целковому подали. И так без конца — деньги, деньги, деньги...

Едва научившись грамоте, Варвара считала не хуже мальцевского приказчика Сеньки, а тот знаменит был на быстрый счет.

Замуж Варвару выдали за купеческого сына Митю

Заикина. Брак этот не был для Мити удачным. О Мите говорили, что он ни в мать, ни в отца... Равнодушный к деньгам и купеческим делам, он не терпел ни шума, ни скандалов. А дом Заикиных то и дело потрясали Варварины крики. Она кричала на прислугу, попрекала, что та много тратит, на приказчиков, что торгуют плохо, на мужа, что не похож он на других людей. Тогда-то и прозвали Заикину Кабанихой.

Октябрь 1917 года Варвара встретила без радости. Дом и магазины у нее реквизировали. Переселились Заикины в небольшую квартиру в Дубровском поселке. Дмитрий, сразу же приняв как должное потерю всего своего добра, поступил бухгалтером на завод. А Варвара долго еще лютовала: не нравились ей порядки, установленные новой властью.

Но когда был введен нэп, Варвара ожила. Она быстро наладила производство постного сахара и прочих сладостей. И опять, как когда-то, запершись ночью в комнате, пересчитывала при тусклом свете слабой лампочки мятые рублевки. Вскоре родился сын Федор, а через год умер Дмитрий Заикин. После смерти мужа Заикина расширила свое «дело», на нее работал уже не один человек. Варвара решила, что вернулись старые времена и она может опять глумиться над людьми, кичась своим богатством. Но в это время началось широкое наступление на нэп. Имущество Заикиной за сокрытие доходов и неуплату налога было конфисковано, а производство сладостей прекращено.

Заикина притихла, но ненадолго. Найдя лазейку для темных дел, она занялась спекуляцией мехами. Подпольная торговля расцветала. Опять деньги потекли в ее грязный карман. Неожиданно все оборвалось. Пришли два милиционера и произвели обыск. Преступные сбережения и меха у Заикиной отобрали, а приговор народного суда на три года прекратил ее бурную дея-

тельность спекулянтки. Отбыв наказание, Варвара вернулась. Федю — ему уже исполнилось семь лет — забрала у дальних родственников. И не сказала даже спасибо. В те годы Варвара вышла замуж второй раз. Муж пришел в дом не с пустыми руками. Целый день любопытные дворовые мальчишки помогали разгружать две грузовые машины и перетаскивать в квартиру Заикиных его вещи. О жизни Варвары с новым мужем говорили поначалу разное. Но однажды соседи услышали, как на лестничной площадке Варвара бранилась и кричала вдогонку куда-то спешившему мужу: «Не добытчик ты, не добытчик, а труха!» После этого жильцы укрепились во мнении, что жизнь у этого нового мужа будет такая же разнесчастная, как и у первого. Жильцы ошиблись. Жизнь его оказалась куда хуже.

В одну из декабрьских ночей 1937 года мужа Варвары увели из дому. За что забрали этого незаметного человека, толком никто не знал. Поджатые губы Варвары и ее хитрые желтые глазки говорили, что она-то знает, в чем дело. Знает, но не скажет.

Варвара начала с выгодой продавать вещи мужа. Лишь через пару лет от брата арестованного, который тоже просидел около года, но был освобожден, стало известно, что мужа Варвары арестовали по доносу: будто он в прошлом служил в царской охранке. Уже позже выяснилось, что донос был ложным. Он умер, так и не вернувшись домой.

Для доносчика — Варвары Заикиной — дело обошлось благополучно. Ее не судили.

Не обращая внимания на жильцов, отворачивавшихся при встрече с ней, Заикина продолжала распродажу вещей погубленного ею человека.

А время шло. Началась Великая Отечественная война. Заикина чему-то улыбалась. Но когда гитлеровцев отогнали от Москвы, лицо Варвары помрачнело.

В 1944 году Федора Заикина — рабочего одного из московских заводов — призвали в армию. Заикина осталась одна. Незадолго до праздника Победы Федора в санитарном поезде привезли в Москву. Он долго лежал в госпитале с простреленными ногами. Заикина навещала сына, шепотком рассказывая, как умело нажила она в трудные годы много добра, как присмотрела Федору невесту с богатым приданым.

Федор слушал мать с закрытыми глазами. Было мучительно стыдно за мать, за ее слова, стыдно оттого, что их может услышать кто-нибудь из раненых. Он облегченно вздыхал, когда мать уходила, но долго еще после ее ухода боялся смотреть в глаза соседям по палате.

Однажды мать пришла в госпиталь не одна. Ее сопровождала молодая, но уже сильно располневшая женщина.

— Познакомься, Феденька, — сказала мать, — это Аленька.

Аленька сразу же не понравилась Федору. Ее нескладная фигура, припухшие глаза, намалеванные губы и низкий хрипловатый голос были ему неприятны. Чувство неприязни стало еще бóльшим, когда Федор узнал, что Аленька, кончившая медицинский институт, заведует пивным ларьком. Нет, не такой хотел Федор видеть свою невесту.

Вскоре он выписался из госпиталя и через месяц вернулся на свой завод.

Между тем Аленька зачастила в квартиру Заικών. Вместе с нею почти всегда появлялись водка и пакеты с разной закуской.

Но все это не радовало Федора, а еще больше отталкивало от Аленьки. Он старался всячески избегать встреч с ней.

— Дурак! — кричала Заикина. — Счастье из рук выпускаешь, свое и мое счастье. Что за житье будет на твои гроши! А у Альки тыщи на книжке. Проворонишь! Всякий за нее пойдет.

— Не шумите, мать, — урезонивал Заикину Федор. — Не нужна мне такая жена. И тысячи мне ее пивные тоже не нужны. Разберусь как-нибудь сам, на ком мне жениться.

Заикина надулась на Федора, однако не раз еще возвращалась к разговору об Аленьке. Но Федор ее не слушал.

Однажды летом в доме отдыха он познакомился с молчаливой скромной девушкой Верой, которую полюбил так сильно, как можно любить в первый раз.

На следующий год апрельским днем Федор объявил матери, что собирается жениться, и познакомил ее со своей невестой.

Поначалу Вера не понравилась Заикиной.

— Что тебе далась эта студентка-вертихвостка! — бранила она Федора. — Разве идет она в сравнение с Алькой! Да и за душой нет у нее ни гроша. Как, чем жить-то будете?

Совершенно неожиданно, уже незадолго до скромной свадьбы, Заикина переменялась к Вере. Она стала в глаза и за глаза ее расхваливать. Говорила, что лучшего выбора сын сделать и не мог.

Федор радовался такой перемене. Ему казалось, что теперь все будет хорошо. Но вот свадьба позади. Вера, перешедшая жить к Заикиным, стала замечать, что отношение к ней свекрови меняется. Начались мелкие придирки. Заикина все чаще неодобрительно посматривала на Веру. Невестку свою она уже не расхваливала, а говорила, что такая голодранка Федору не пара, и однажды бросила загадочную фразу: «Брехуны проклятые!..»

Услышав последнее от одной из соседок Заикиных, Колосов подумал: «Интересно, что же Варвара имела в виду? Что хотела она сказать?»

Но над этим долго не пришлось ломать голову.

Оказывается, накануне свадьбы Заикина тщательно выясняла, что собою представляет Вера. При этом она интересовалась не ее личными качествами, а имущественным положением.

Словоохотливый, как и все старожилы, дед-дворник из дома Веры рассказал Заикиной, что отец девушки, Парамонов, был до революции владельцем кондитерской фабрики и многих пекарен.

— У них, должно быть, и сейчас денег полно, миллионы-то небось зарыли, не иначе,— доверительно говорил дворник Заикиной, раскуривая преподнесенную ею папиросу с мудреным названием «Герцеговина Флор».

Накрепко запомнила Заикина этот разговор. С тех пор и стала она ластиться к Вере, но продолжалось это недолго.

Сразу же после свадьбы завела Заикина разговор с матерью невестки о золоте и миллионах покойного Парамонова.

Здесь и ждал Заикину неожиданный удар.

— Да,— сказала Парамонова,— и золото было, и миллионы были. Были, да быльем поросли. В декабре семнадцатого Парамонов мой все свое богатство сдал государству и квитанцию получил. А потом еще письмо к нему пришло...

Порывшись в шкафу, Парамонова вытащила старую потертую во многих местах бумагу с красным оттиском огромной круглой печати и с гордостью протянула ее поبلедневшей Заикиной. Та схватила бумагу.

«Гражданину Парамонову Кузьме Платоновичу, добровольно сдавшему республике все свои деньги и

ценности, рабоче-крестьянское правительство выражает благодарность...»

Руки Заикиной мелко задрожали.

— Что же вы... Что же вы раньше ничего не сказали? — только и смогла она прошептать недоумевающей Парамоновой и выбежала из квартиры.

Все надежды Варвары Заикиной на богатство рухнули. За это она стала мстить тихой и скромной девушке, за это покушалась на ее жизнь.

Так прояснились мотивы преступления Заикиной, так удалось до конца обнажить гнилую душу этой купчихи, мнившей, что еще не кончился век кабаних.

Прощаясь с возвращающейся в свой район Метелиной, начальник отдела Холодов спросил:

— Ну, как? Не обижаетесь больше на Колосова?

— Что вы, что вы, Петр Дмитриевич, — смущенно улыбнулась Метелина, — спасибо вам и Колосову за науку.

Посмотрев Холодову в глаза, Метелина добавила:

— Просьба у меня к вам, Петр Дмитриевич. Как что не так буду делать, путаться начну, одно слово мне скажите, только одно слово «амнезия», и я все пойму.

СЛУЧАЙ В ГОСТИНИЦЕ

Телефонный звонок прервал спор дежурного следователя по городу Колосова и судебного медика Бакаева. Этот затянувшийся спор начал им уже изрядно надоедать. Колосов утверждал, что дело следователя разбираться в вопросах: убийство или самоубийство, а Бакаев, горячась, шумел, что перестанет уважать себя, если ему запретят отвечать на эти вопросы.

И вот теперь, так ни до чего не договорившись, они едут на место происшествия. Сообщение о нем было скудным. В одиночном номере одной из московских гостиниц найден труп инженера, приехавшего в командировку.

Оперуполномоченный районного отделения милиции Лобанов доложил Колосову, что в семь часов вечера дежурная по этажу после нескольких безответных стуков в дверь номера инженера Галентова открыла ее (она была не заперта) и тут же отпрянула: на полу в крови лежал Галентов. Больше никто порога номера не переступал.

Небольшая комната гостиницы выглядела так, как обычно выглядят комнаты после неумелого и бессистемного обыска. Большой черный чемодан оказался пуст, вокруг него валялись вещи. Дверцы гардероба и тумбочки распахнуты, все ящики в них выдвинуты. А посреди комнаты, широко раскинув руки, лежал ин-

женер-уралец Игорь Викторович Галентов. Струйка крови застыла тонким потоком на его правом виске и остекленевшей красной лужей поблескивала под головой. Костюм на Галентове был несколько помят. У другого костюма, по-видимому выходного, который лежал на диване, все карманы были вывернуты. Документы, всевозможные деловые бумаги, аккредитив на крупную сумму и несколько мелких купюр в беспорядке валялись на столе. Здесь же лежал ключ от номера, прикрепленный к нелепой деревянной груше. Второй такой же торчал в двери изнутри комнаты.

— Да-а...— в раздумье сказал Бакаев,— поработали, мерзавцы!

— Алексей Львович! — обратился Колосов к Бакаеву, кивнув в сторону тела.— Огнестрельное?

Бакаев, став на колени, внимательно осмотрел рану в лупу.

— Огнестрельное. Причем, выстрел в упор. Типичнейшие признаки.

— В упор? — Колосов наклонился и заглянул под кровать.

— А вот и пистолет,— сказал он. Очертив мелом место, где лежал пистолет, Колосов поднял его. Аккуратно взяв оружие в руки, он прочитал надпись на серебряной пластинке, заменявшей одну из щечек рукоятки: «Инженер-майору Галентову И. В. за образцовое выполнение задания командования. VIII 1943 года. Орел».

Взглянул на надпись и Бакаев.

— Да-а,— сказал он,— кому могла понадобиться жизнь этого человека?

— А вы убеждены, что ее отнял у него кто-то посторонний?

— Разве вам это, Александр Иванович, самому не ясно? — покровительственно заметил Бакаев.— Не оче-

видно ли, что Галентова ограбили или, во всяком случае, хотели это сделать?

— Может быть, может быть,— ответил Колосов.— Скажите, а как вы объясните выстрел в упор?

— Чего проще. Такие случаи не раз бывали. Вы разве не помните, как один мой уважаемый коллега в подобной ситуации утверждал: самоубийство, а оказалось убийство. Он тогда и на суде продолжал свое: самоубийство! А преступник ему и сказал: «Профессор! Мне-то лучше знать. Я ж все-таки в него стрелял...»

— Тот случай я помню. Но скажите, Алексей Львович, разве тогда на месте происшествия был найден пистолет?

— Нет. Его там не оказалось. Но для нашего случая это абсолютно никакого значения не имеет. Преступник, отобрав пистолет и убив его владельца, конечно же, побоялся захватить оружие с такой надписью. Подобные улики, Александр Иванович, с собой не уносят.

Осмотр продолжался. Колосов дактилоскопировал погибшего и теперь, осматривая вещи, все время пытался обнаружить на них пальцевые отпечатки. Когда это ему удавалось, он внимательно сравнивал их с черными узорами оттисков пальцев Галентова, квадратиками наклеенными на лист бумаги.

Уже все было осмотрено, но Колосов не спешил. Он опять и опять возвращался к вещам, которые уже раз побывали в его руках. А некоторые осматривал даже на просвет.

— Александр Иванович, если не секрет, что вы ищете?

Но вместо ответа Колосов спросил дежурную по этажу:

— Скажите, был ли кто-нибудь сегодня у Галентова?

— Я не видела. Горничную я спрашивала, и она не видела, чтобы кто-нибудь к нему заходил.

— А не обратили ли вы внимания, какое настроение было у него?

— Обратила. По-моему, отличное. Чему-то очень радовался, со мной, когда вселялся, шутил.

— Не заметили ли вы чего-либо странного в поведении Галентова? — продолжал спрашивать Колосов.

— Нет. Но, по правде говоря, меня удивила его просьба отдать ему запасной ключ от номера. Я сказала, что это делать не полагается. Но он уж очень просил. В общем, я просьбу его выполнила.

— Скажите, выходил ли Галентов из своего номера после приезда?

— Выходил. Сказал, что спустится в ресторан. Ключи он взял с собой и вскоре же вернулся.

Колосов попросил оперуполномоченного Лобанова выяснить, был ли Галентов в ресторане и с кем.

— Не забудьте взять у администратора его паспорт, — добавил он. — Покажите фотокарточку официантам.

Задав еще несколько вопросов дежурной, Колосов опять начал перебирать вещи в комнате.

— Александр Иванович! — с нотками нетерпения в голосе сказал Бакаев. — Все уже совершенно ясно, и пора составлять протокол. А вы все чего-то ищете, будто здесь может оказаться тот, кто убил Галентова и устроил этот разгром.

Колосов присел на диван. Еще не все было ясно. С одной стороны, типичная картина ограбления — именно так она описывается во всех учебниках криминалистики, а с другой... С другой, этому кое-что противоречило. Выстрел в упор, валявшийся тут же пистолет и — что казалось Колосову очень важным — пальцевые отпечатки на тех предметах, которых неминуемо дол-

жен был касаться грабитель, оставили руки Галентова. Но если это самоубийство, то совсем уж необъяснимо предшествовавшее ему хорошее настроение Галентова.

Вернулся Лобанов.

— Галентов обедал в ресторане один. Никто к нему не подсаживался и даже не подходил. В ресторане он пробыл минут сорок. Обед похвалил и сказал официантке, что придет ужинать. Спрашивал еще, нельзя ли заказать пельмени по-уральски...

«Загадка,— подумал Колосов.— Если чего и не собирался делать Галентов, сидя в ресторане, так это стреляться. Но что же, что случилось в этом номере?»

Бакаев сочувственно посмотрел на Колосова.

— Придется вам, Александр Иванович, поломать голову над этим делом!

Пора было составлять протокол. Колосов поднялся с дивана и еще раз осмотрел все вокруг.

Да. Проверил как будто все. Он сел за стол и начал писать...

— Нет, так не пойдет,— вдруг окончательно решил он.— Не может же все оставаться таким неясным.— Колосов встал и вновь начал внимательно всматриваться в обстановку комнаты. Дальнейшее его поведение показалось совсем уж странным. Он попросил помочь ему отодвинуть от стены гардероб и посмотрел, что за ним. Потом отодвинул стол, диван.

И вот когда отодвигали диван, внимание Колосова привлекла узкая щель между спинкой и сиденьем. «Пожалуй, это единственное место, которое я еще не проверил»,— подумал он и запустил руку в щель.

Вдруг лицо Колосова стало каким-то напряженным. А через секунду в его перепачканной пылью руке оказался запечатанный пакет. Надписи на нем не было. Колосов вскрыл его.

Первые строчки большого письма, написанного аккуратным твердым почерком, гласили:

«В Совет Министров СССР. Сообщаю описание важного изобретения, имеющего громадное оборонное значение для нашей Родины. Над ним я работал много лет...»

— Теперь вы видите, Алексей Львович,— обратился Колосов к Бакаеву, показав ему на эти строки.— Я искал то же, что безрезультатно пытался найти в своем номере инженер Галентов. Этот самый пакет, завалившийся в злополучную щель. Возможно, он попал туда из кармана пиджака этого костюма, который, судя по всему, Галентов собирался надеть. Надеюсь, прояснилось и то, зачем понадобился Галентову второй ключ от номера. Он хотел быть твердо убежден, что, пока он обедает, в номер никто не войдет.

— Но, но...— волнуясь, начал Бакаев,— значит, это самоубийство? Перерыв все, он решил, что пакет украли, и нашел такой нелепый выход из положения?

— Вы догадались, Алексей Львович. Так оно и было. Кстати, может быть, мы и кончим этим случаем наш недавний спор?..

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ВАДИМА ДРОНОВА

Колосов внимательно посмотрел на посетительницу, вошедшую в кабинет.

— Простите, что я вас беспокою,— сказала она.— Но я хочу обратиться именно к вам, потому что недавно прочитала о вас в газете как об очень хорошем следователе. У меня исчез единственный сын. Его убили, я это знаю... Но до сих пор, до сих пор не могут найти ни преступников, ни даже тела моего мальчика...— Женщина зарыдала.

— Успокойтесь,— мягко сказал Колосов, наливая в стакан воды.— Вот, выпейте и скажите, как это случилось.

— О, если бы я знала! Если бы я только знала, как это случилось,— ответила женщина, дрожащими руками принимая стакан.

Она выпила воду, вытерла глаза и начала:

— Прежде всего извините, что не представилась. Зовут меня Людмила Васильевна. Возможно, вы слышали мою фамилию. Я жена, простите, вдова профессора Дронова. Да, того самого Дронова, Виктора Григорьевича, чьи работы в области физиологии наделали так много шума. У нас был... был,— с усилием повторила Дронова,— единственный сын. В нем, и только в нем мы видели смысл жизни и делали все, чтобы нашему мальчику было хорошо. Он рос очень слабым и впечатлительным ребенком, и мы не отдали его в школу. До пятого

класса Вадим учился с педагогами дома. Потом...— Не окончив фразы, Дронова прервала свой рассказ и спросила: — Может быть, я говорю не то, что надо? Ведь все это не имеет никакого отношения к убийству моего сына...

— Нет, отчего же,— ответил Колосов,— в этих делах нет таких мелочей, которые бы не имели никакого значения. Пожалуйста, продолжайте.

— Вадик пошел в школу. Он был очень способный. Учился хорошо. Иногда, правда, его расстраивали неумные придирки педагогов, и мне приходилось с ними объясняться. В его классе было много дурно воспитанных детей, но дружбы с ними он не вел, а поддерживал знакомство только с детьми культурных родителей... Закончив школу, Вадик хотел пойти в театральный институт, но там на экзаменах произошла какая-то история, и, в общем, он поступил в медицинский, где преподавал Виктор Григорьевич.

После смерти Виктора Григорьевича у нас все пошло кувырком. Стало не хватать на жизнь. Я была еще молода, хотелось получше одеваться, бывать в театрах. У Вадика тоже были развлечения. В общем, мы начали продавать вещи покойного мужа. Вы сами понимаете, что вечно это продолжаться не могло, и в прошлом году я вышла замуж за Владимира Петровича Викентьева — инженера. Еще мальчишкой он был влюблен в меня. Четыре года мы сидели за одной партой.

Сын сразу же невзлюбил Владимира Петровича. Он жаловался, что отчим — иначе его Вадим не называл — придирается к нему, отказывает в каких-то жалких копейках, требует, чтобы дома он выполнял черную работу.

Дронова глубоко вздохнула и продолжала:

— Сын стал чаще уходить из дому, был все время утрюм. Самым страшным был для меня день тринадцатого.

цатого октября. Вадик ушел и не вернулся. И вот полгода, как его нет.

— Но почему вы убеждены, что он убит? — спросил Колосов. — Не мог ли он оставить дом из-за неприязненных отношений с вашим мужем?

— Если бы он хотел оставить дом, то взял бы свои вещи, документы. Ведь паспорт его дома! Ну куда он мог бы уехать без паспорта? Но не это главное. Накануне, это было двенадцатого октября, к нему приходил какой-то пьяный субъект. Я не разглядела его лица: сын быстро увел незнакомца в свою комнату. Через минуту оттуда раздался хриплый голос. Этот тип громко угрожал сыну. Он не стеснялся в выражениях. Это был какой-то кошмар. После ухода пьяного сын был очень взбудоражен. Когда я хотела к нему пройти и узнать, в чем дело, он не стал ничего объяснять, а захлопнул передо мной дверь. Последнее, что я услышала от него: «Теперь мне не жить!»

Дронова опять расплакалась.

Когда она успокоилась, Колосов спросил:

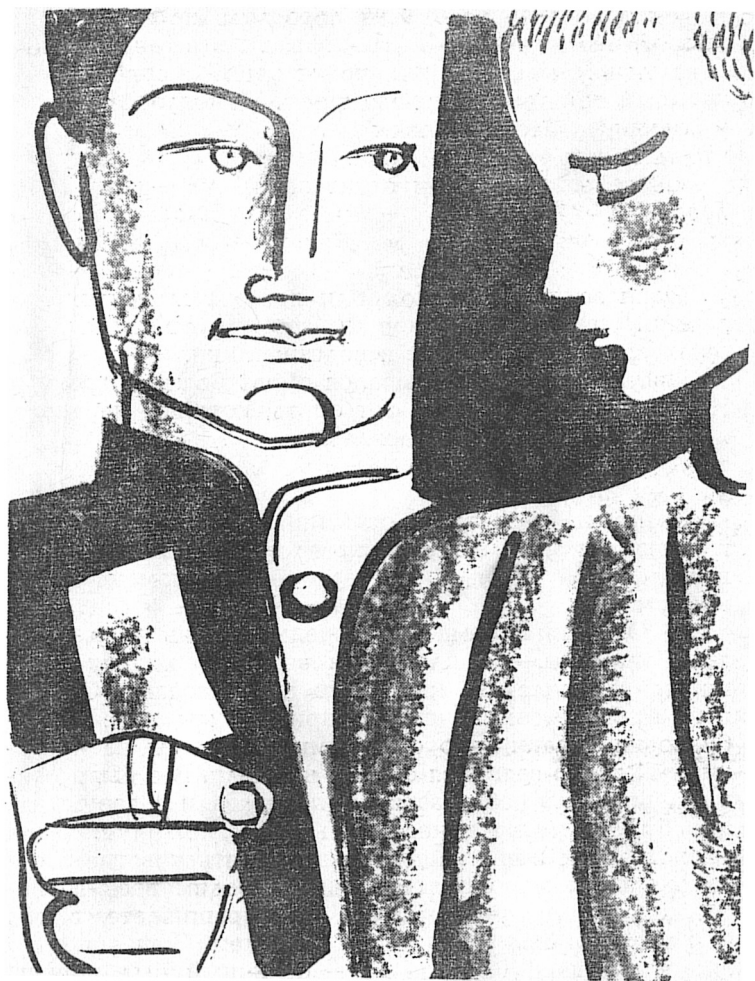
— Что же было дальше?

— Как я уже сказала, тринадцатого сын исчез. На следующий день я еще на что-то надеялась: иногда он ночевал у товарищей. Но когда Вадик не вернулся, мне стало ясно: случилось что-то ужасное и непоправимое.

В милиции меня приняли очень тепло... Сказали, что сделают все возможное. Я много раз справлялась, как идут поиски, и мне неизменно отвечали, что они продолжают. Но тела моего мальчика до сих пор найти не могут. Я отчаялась. Прошу вас помочь мне. Очень прошу. Не отказывайте матери...

Наутро Колосову доставили из милиции пухлый том с надписью на синей обложке «Дело об исчезновении В. В. Дронова».

Розыск исчезнувшего проводился очень тщательно.

Но ни одна строчка объемистого дела не отвечала на вопрос, что случилось с Дроновым. Ни в Москве, ни в области не было обнаружено ни одного трупа юноши, который остался бы неизвестным. Не было Дронова и в больницах. Не значился он и в местах заключения — это тоже проверялось.

«А ведь этим делом стоит заняться», — решил Колосов.

Один за другим проходили перед Колосовым свидетели. Это были соученики Дронова по школе, его одноклассники, знакомые и родственники.

Постепенно вырисовывался образ Вадима Дронова. Нет! Это был совсем не тот образ, который нарисовала Колосову Людмила Васильевна.

Одним из первых Колосов пригласил Николая Григорьева. Он два года тому назад заканчивал с Дроновым десятый класс, был старостой, членом комитета комсомола.

— О жизни Вадима знаю очень и очень мало, — сказал Григорьев. — В классе он всегда держался особняком. В школе его ничего не интересовало. Он так и не стал комсомольцем. Не приняли мы его... Дружку водил с какими-то стилягами. Однажды на праздничный вечер заявился с ними в школу. Все были подвыпивши, вели себя развязно, приставали к девушкам, а в буфете чуть не подрались. Это, пожалуй, была единственная попытка Дронова принять участие в общешкольном мероприятии. Учился Вадим весьма слабо, выезжая на репетиторах. Вы спрашиваете, с кем из класса он был дружен? Да ни с кем. Сошелся одно время с Лешей Гаранцевым — отличный был парень,

после школы на целину уехал. Но дружба эта кончилась очень скоро. Что случилось, я так и не знаю, но они не помирились. Пробовал я узнать у Леши, в чем дело. Он отмолчался. Сказал мне только с неохотой: «Не по дороге нам с Вадимом. Таких бить надо».

— Скажите,— спросил Колосов,— неужели за все время вашей совместной учебы Дронов ни в чем не проявил себя с хорошей стороны? Не в слишком ли мрачных красках вы описали вашего одноклассника?

Григорьев после некоторого раздумья ответил:

— Был, пожалуй, один хороший поступок. Вадим умудрился вырвать из классного журнала несколько страниц. Этого никто не заметил. Когда в школе поднялся тарарам и собрались этот случай рассмотреть на педагогическом совете, Дронов пошел к директору и сознался... Пятно с класса было снято.

Колосов улыбнулся.

— Ну, а кроме этого относительно хорошего поступка?

— Других не было,— твердо ответил Григорьев.

Остальные ребята, знавшие Дронова по школе, говорили примерно то же самое.

Но вот дает показания Алла Зеленина. Колосов вызвал ее не случайно. Говорили, что Алла может больше сказать о Вадиме. Она — дочь известного художника, единственная из класса бывала на квартире у Вадима, а поступив в институт, продолжала с ним встречаться.

— Да, я встречалась с ним,— сказала Алла.— Вначале Вадим мне очень нравился. Что именно в нем нравилось? Да, пожалуй, все: внешность, манеры, начитанность. Мы бывали с Вадимом в театрах, в Доме кино и в Доме актера. Танцевали на вечерах. Но постепенно я поняла, что, кроме смазливого лица, у него, пожалуй, ничего и нет. Представьте себе, он, который

мог без конца перечислять будто бы прочитанные им книги, сказал однажды при мне, не помню уж, по какому поводу: «Если бы Каренина не была такой дурой, она никогда бы не повесилась». Миф о его начитанности развеялся моментально. Да и манеры оказались не такими уж блестящими. Помню, как-то раз я сказала Вадиму, что мне нравится Леша Гаранцев, с которым он дружил. Леша — сирота, ютился у кого-то в углу, а учился хорошо, был спортсменом-разрядником. И совершенно неожиданно для меня Вадим облил Лешу грязью. Просто так. Без всяких доказательств и очень цинично. Мне было дико слушать это... Я поняла, что с Вадимом мне лучше не дружить, и прекратила с ним встречаться. Были ли у Вадима враги? Не знаю, но друзей у него не было. Впрочем, если считать друзьями собутыльников, то такие друзья были...

Их оказалось даже больше, чем знала Алла. Основное ядро их составляли «дети культурных родителей», за дружбу с которыми так ратовала Дронова. А «дети» эти вели двойную жизнь. Нет. Они не были людьми без определенных занятий. Студенческие билеты и зачетные книжки создавали им твердое положение. Днем они отличались от других студентов лишь более частыми пропусками занятий, некоторым легкомыслием в одежде и бессмысленным жаргоном. Иное было вечерами. Тогда эта «теплая компания» дергалась в истерическом ритме на одной половине, стреляла пробками шампанского в своих захмелевших подруг, увлекалась полученными неведомыми путями парижскими бульварными журнальчиками. Это была вторая жизнь Дронова и его приятелей, и для нее Вадим распродал библиотеку умершего отца, выпрашивал деньги у отца, а однажды украл в институте и продал микроскоп. Об этой краже поспешили сообщить Колосову «друзья» Дронова. Этим они хотели подчеркнуть свою

честность, принципиальность, непримиримость к подобным фактам. Они клеймили своего товарища, но утаили, что деньги, вырученные от продажи микроскопа, пропивали вместе...

Дело быстро пополнялось. Но самое главное было неизвестным. Вадим Дронов оставался без вести пропавшим.

— Ничего, ничего определенного, Алексей Николаевич,— докладывал Колосов через две недели прокурору.— Все туманно и, как пишут в детективных романах, загадочно.

— А как с Гаранцевым? Установили, где он?

— Он по путевке райкома комсомола поехал в Кустанайскую область. Пробыл там полтора года, за хорошую работу был награжден медалью. Из Кустаная вышел, но куда, точно неизвестно. В октябре прошлого года приезжал в Москву, но где останавливался, узнать не удалось. Бабушка, у которой он жил в Москве, когда учился, умерла. Соседи ее сказали, что Леша заходил и говорил, что собирается на какую-то сибирскую стройку. Виделся ли он с Дроновым—неизвестно. Вот, пожалуй, и все. А Гаранцев нужен, очень нужен. Посещение Дронова каким-то неизвестным и исчезновение Дронова совпадают по времени с приездом Гаранцева в Москву. Чем черт не шутит... У Дронова ведь были какие-то счеты с ним.

— Что думаете делать дальше? — спросил прокурор.

— Искать,— коротко ответил Колосов.

А еще через неделю Колосов на свой запрос, посланный, как он считал, «на всякий случай», получил ответ, что Гаранцев Алексей Григорьевич находится в исправительно-трудовой колонии, куда он был заключен по приговору одного из московских народных судов за разбой.

В его деле все было предельно ясно. Гаранцев ночью остановил в районе Якиманки двух женщин, втолкнул их в подворотню, мимо которой они проходили, снял с них часы и кольца. А через несколько минут его задержал постовой милиционер, обративший внимание на воровато оглядывавшегося молодого человека, слишком быстро шагавшего по набережной Москвы-реки. У Гаранцева отобрали разбойные трофеи, и уже через три недели суд вынес ему приговор.

Все это случилось в день, который Людмила Васильевна Дронова запомнила на всю жизнь — 13 октября, в день, когда исчез ее сын Вадим Дронов.

«Необыкновенно странное совпадение,— раздумывал Колосов,— посмотрим, как он будет вести себя на допросе».

— Это действительно очень интересно,— резюмировал прокурор доклад Колосова.— Немедленно поезжайте в колонию.

Под мерный стук колес поезда думалось легко. А думать Колосову было над чем. Что могло толкнуть на разбой Лешу Гаранцева — комсомольца, добровольно поехавшего на целину и заслужившего за отличную работу медаль? Причастен ли Гаранцев к убийству Дронова? Почему он говорил, что таких, как Дронов, надо бить? Не свел ли он с ним какие-то давние счета?

На все эти вопросы Колосов не мог найти ни одного удовлетворительного ответа.

Начальник колонии был очень удивлен, услышав, что Гаранцев подозревается в убийстве.

— Могу дать этому заключенному самую хорошую характеристику,— сказал он.— Ведет себя отлично, работает как нельзя лучше. Ни в одном предосудительном поступке не замечен. В общем, товарищ следовательно,— закончил начальник колонии разговор с Колосовым,— ничего, кроме хорошего, о Гаранцеве сказать

не могу. Видимо, человек по-настоящему решил исправиться.

Любезно предоставив Колосову свой кабинет, начальник колонии приказал вызвать Гаранцева.

Минут пятнадцать спустя в кабинет вошел молодой человек в брезентовых брюках и телогрейке.

Испытующе посмотрев на Колосова, он спросил:

— Вы меня вызывали?

— Вызывал. Ведь Гаранцев Алексей вы?

— Я.

Лицо Гаранцева показалось Колосову знакомым.

«Где я мог его видеть? — быстро перебирал он в памяти дела и события, задавая в то же время Гаранцеву ничего не значащие вопросы. — Где? Где?..»

И вдруг Колосов вспомнил и чему-то улыбнулся.

— А знаете ли, Гаранцев, зачем я вас вызвал?

— Даже не догадываюсь.

— Не догадываетесь? Тогда придется сказать. Мы ведь вас подозреваем в убийстве.

— В убийстве? Но я никого не убивал.

— Возможно, возможно. А у нас есть кое-какие данные, что вы причастны, я бы сказал, даже весьма причастны, к делу об исчезновении Вадима Дронова. Вы ведь знали такого?

Гаранцев вздрогнул.

Колосов извлек из дела объемистый паке́т и вытащил несколько фотографических снимков.

— Прошу ознакомиться с этими данными. Они, по моему, достаточно убедительны. Вот взгляните — это еще совсем юный Дронов после окончания седьмого класса. Вот он уже постарше: банкет по поводу окончания десятилетки. А это один из последних снимков, сделанных за месяц до исчезновения Вадима. Внимательно посмотрели? А сейчас я вам объясню, как все это увязывается с вашей причастностью к этому темно-

му делу,— продолжал Колосов, вытаскивая что-то из своего чемодана.— Посмотрите на этот предмет. Нет, не с этой, а с противоположной стороны. Да смотрите без опаски, ведь это обыкновенное зеркало. Ну? Узнаете бесследно исчезнувшего? — и Колосов весело смеялся.

— Узнаю,— буркнул Дронов-Гаранцев.— Но не думайте, что это была какая-то афера. Я расскажу вам все подробно...

— Алексей Николаевич, телеграмма от Колосова,— доложила секретарь, передавая прокурору бланк.

Телеграмма была краткой: «Дело раскрыто тчк Выезжаю тчк Прошу пригласить завтра двенадцать Дронову».

Алексей Николаевич вертел в руках телеграмму.

— Очень интересно... Раскрыто... Но как он умудрился?

На следующий день Колосов, возвратившись из командировки и наскоро позавтракав, пришел на работу.

Не успел он снять плащ, как ему принесли пакет. Колосов разорвал его и прочитал следующее: «Гаранцев Алексей Григорьевич, 1940 года рождения, работает на Красноярской ГЭС, проживает по адресу...» В пакет были также вложены различные документы и характеристика Гаранцева с места работы.

«Вот объявился и настоящий Гаранцев»,— подумал Колосов и пошел к прокурору.

— Быстро вы, однако, вернулись. Ну как, установили, кто убил Дронова?

— Установил, Алексей Николаевич. Подлинными убийцами, но, так сказать, в переносном смысле слова, являются родители Дронова.

— Что вы такое говорите? Нельзя ли яснее?

Кто-то нетерпеливо постучал в дверь. Вошла Дронова.

— Меня приглашали зайти сюда. Неужели есть что-нибудь новое?

Колосов ответил:

— Есть новости, и их немало. Но, поскольку для вас важнее всего одна, прошу взглянуть сюда.

И Колосов протянул Дроновой небольшую фотокарточку.

Дронова вскрикнула:

— Он жив?! Ради бога, что с ним?

— С ним? Он осужден за разбой. Его арестовали тринадцатого октября, в тот самый, памятный для вас день. Я прошу вас успокоиться,— добавил Колосов, когда Дронова закрыла лицо руками.— Идите домой, а завтра я вам все расскажу.

— Что вы собираетесь рассказать Дроновой?— спросил прокурор, когда она вышла.

— Я скажу ей, Алексей Николаевич, примерно следующее: нет ничего, Людмила Васильевна, губительнее для детей, чем слепая любовь родителей. Вы и ваш покойный муж сделали все для того, чтобы испортить сына. Вадиму все время внушали мысль, что он особенный мальчик, необыкновенного таланта и способностей. Любой его каприз вы исполняли моментально, не считаясь ни с затратами, ни — что самое главное — со здравым смыслом. Вы умилялись легкомысленному поведению Вадима, его жаргону, его успехам в модных танцах, поощряли вечеринки с вином в обществе молодых людей и девушек. Что вы знали о его товарищах? Решительно ничего. Ваш муж, уважаемый всеми профессор, благодаря своему положению устроил Вадима в институт. Вадим привык к легкой жизни... Ваш новый муж делал попытки исправить Вадима, но вы ему мешали. Разве не вы ссужали сына

деньгами, в которых ему справедливо отказывал отчим? Но и этих денег уже не хватало для широких развлечений. Вадим начал тайком продавать кое-какие вещи, а потом пошел дальше — украл институтский микроскоп.

Вы, Людмила Васильевна, не усмотрели, как Вадима втянули в компанию картежников, которой хороводил один уголовник, только что отбывший наказание. Он-то и приходил двенадцатого октября к вашему сыну, требовал возвращения крупного проигрыша, угрожая Вадиму в случае неуплаты расправой. И тут сын ваш пошел на разбой, но почти тотчас был задержан. По дороге в милицию ему представилась вся его недолгая жизнь, и он наконец понял, как она была никчемна и насколько страшно его падение. Понял он, к его счастью, что многое еще можно исправить. В милиции, а потом и в прокуратуре он сразу же признался в своем преступлении, но, воспользовавшись тем, что у него не было никаких документов, присвоил себе имя Алексея Гаранцева. А на вопрос, где его документы, ответил, что потерял их по дороге из Кустаная. За два дня до этого он встретил товарища по школе — Алексея Гаранцева. Тот был проездом в Москве и рассказал Дронову о своей жизни. Вадим воспользовался этим, и его показания от имени Гаранцева выглядели очень правдоподобно. Им поверили.

Вас, Людмила Васильевна, спрошу я, наверное, интересуется, почему Вадим назвал себя именно Гаранцевым, которого вы, возможно, причисляли к дурно воспитанным детям и которого когда-то ваш сын поносил, не стесняясь в выражениях? Вадим и это объяснил, сказав, что Дронов-преступник должен бесследно исчезнуть, а из колонии выйти другой человек, такой же чистый и честный, каким жил и живет Алеша Гаранцев. И я верю, что это ему удастся... Вот, Алексей Николаевич, пожалуй, и все, что я скажу завтра Дроновой.

ТРИ КИЛОГРАММА ПЛАТИНЫ

В самом начале рабочего дня к начальнику отдела научно-исследовательского института Рухову вбежал заведующий одной из лабораторий Эрнест Павлович Качалов. Он был бледен.

— Платина... — прохрипел Качалов. — Три килограмма платины!

— Украли? — вскрикнул Рухов. — Что ты наделал!

В следующее мгновение, сорвав трубку внутреннего телефона, он, не понижая тона, скомандовал:

— В институте тревога. Закрывать все выходы. Ни людей, ни транспорт без моего разрешения не выпускать.

Сердито посмотрев на Качалова, нервно ерошившего волосы, Рухов заглянул в список телефонов и куда-то позвонил...

Опытная работа подходила к концу. Наступил момент, которого так долго ждал коллектив лаборатории. Точные анализы всех компонентов получены. Последняя проверка завершена. И вот новая установка заработала.

Заведующий лабораторией волнуется. Что, если и на этот раз волокно не ответит тем особо высоким требованиям, которые предъявляют к нему почетные, но придирчивые заказчики? Ведь оно должно быть совсем отличным от того, которое уже много лет выпускает промышленность.

Лаборантка Нина тронула Качалова за белый рукав халата.

— Не волнуйтесь, Эрнест Павлович,— прошептала она прерывающимся голосом.— Все будет в порядке...

Восемь сотрудников, не отрываясь, следили за установкой, чутко воспринимая мерный шум ее работы. Это ведь была и их работа...

Многотрудная работа последних двух лет.

И вот через крошечные отверстия платиновой пластины пошли тончайшие сверкающие нити. Волокно! А вскоре экспресс-анализ показал: лаборатория добилась успеха! Создана отличная изоляция. Ей не страшен и космический холод.

Только теперь Эрнест Павлович облегченно вздохнул. Семь человек вздохнули вслед за ним. Начались шумные поздравления.

Когда веселый гам несколько стих, старший инженер Маркин сказал:

— Вот не думал, что все обойдется. И не надеялся даже.

Нина сердито посмотрела в его сторону:

— У вас, Григорий Аркадьевич, вечно сомнения. А я ничуть не сомневалась.

— Не то,— вмешался старший научный сотрудник Горнев.— При чем тут вообще сомнения! Я был убежден, что все будет в порядке.

— Сейчас можно сказать что угодно,— проворчал Маркин.

— Почему сейчас? — заметил Горнев.— Я и раньше был уверен. У меня и доказательства есть.

Горнев вышел и тут же возвратился с бутылкой шампанского.

— Вот доказательство. С утра в столе выдерживал.

«Доказательство» было встречено возгласами одобрения.

— Ну, начнем,— сказал Горнев, срывая фольгу с бутылки...

Это было ночью. А сейчас Эрнест Павлович сидит перед старшим следователем Колосовым, который приехал из городской прокуратуры искать пропавшую платину. Ту самую трехкилограммовую пластину, которую кому-то пришлось в голову снять с установки, чтобы поставить на нее «на счастье» бутылку шампанского. Невпопад отвечая на вопросы следователя, Эрнест Павлович лихорадочно думал и без конца спрашивал себя: кому, кому нельзя верить? Кто польстился на платину? Как все могло случиться? И не находил ответа.

— Так кто же, по-вашему, Эрнест Павлович, мог взять платину? — спросил Колосов, кажется, уже в третий раз.

Очнувшись от дум, Качалов, устало посмотрев на следователя, сказал:

— Стоит ли искать виновников? Совершенно ясно, что виноват только я. Мальчишка! Обрадовался удачным испытаниям и позабыл обо всем на свете. Никто другой — я обязан был сдать платину в отдел. А я сделал из нее подставку для шампанского. Судите...

— Не следователь, Эрнест Павлович, суд судит, — остановил его Колосов, невольно поморщившись от этой затасканной фразы. — Возможно, это и случится. Но давайте разберемся, куда могла деться платина.

— Я работаю с честными людьми. Больше добавить ничего не могу.

Дверь за Качаловым закрылась. В кабинет вошла Юлия Ситникова, химик.

— Какой ужас! Какой ужас! — затараторила она. — Мы так веселились, нам всем было так радостно и вдруг... Ну, скажите, кому эта платина нужна? В технике — да, а за ее пределами? Вы на меня удивленно смотрите. Знаю, знаю, скажете, украшения из нее делают. Но что в них хорошего? То же серебро, только тусклое и тяжелое...

— Простите, Юлия Сергеевна,— остановил Колосов этот поток вопросов и ответов,— не хотите ли вы сказать, что на платину, которая почти в два раза дороже золота, никто не может позариться?

— Да, да, именно.

— Тогда, может быть, платина из вашей лаборатории испарилась?

Ситникова растерянно посмотрела на Колосова.

— Как испарилась?

— Это уж я не знаю как. Так что же, по-вашему, произошло?

— Даже не представляю. На наших я и подумать не могу. Я им верю, как себе...

Младший научный сотрудник Красавина, молодая женщина в старомодных роговых очках, вошла в кабинет насуспенной. Присев, она тут же вытащила из жакетки блокнот и быстро сделала какие-то записи.

— Прстите, Тамара Васильевна, я вам не помешал?

— Да, немного...— ответила Красавина, не уловив иронии в вопросе.— Я как раз только у входа вспомнила одну очень нужную для работы формулу...

— Если вас не затруднит, прошу на несколько минут отвлечься от формул.

Красавина смотрела куда-то в сторону.

— Итак,— продолжал Колосов,— вам уже известно, что из лаборатории, в которой вы ночью отмечали свою победу, исчезла платина. Дверь лаборатории была после торжества закрыта на ключ. Он хранился в проходной у дежурного и до утра, до открытия лаборатории, его никто не брал. Это установлено. Вы меня слушаете?

— Слушаю,— рассеянно ответила Красавина,— но не понимаю, зачем вы все это мне рассказываете.

— А рассказываю я вам все это потому, что вы одна из тех восьми, кто находился в лаборатории. Если туда никто из посторонних не заходил, то невольно на-

прашивается вывод, что платину взял кто-то из восьми перед тем, как лабораторию закрывали на ключ. Может быть, этот вывод и не столь точен, сколь математические формулы, но тем не менее...

— Что вы хотите сказать? — встрепелась Красавина, сердитый блеск больших серых глаз не могли скрыть даже толстые стекла очков. — Что? Что кто-то из нас восьми украл платину? Это?

— Теперь я хотел бы послушать вас.

— Не представляю, что вы хотите от меня услышать, но знайте, никто из нас... Вы слышите? Никто из нас не мог взять платину.

— Но тогда вы объясните, наверное, куда она исчезла.

— Не знаю. А впрочем, разве не могли какие-нибудь посторонние открыть дверь подобранным ключом? Я читала, что жулики умеют подбирать ключи.

— Умеют, — согласился Колосов. — Но криминалисты давно научились распознавать такие случаи. Я ведь осматривал лабораторию. Дверь ее подобранным ключом не открывалась. Да и кто бы из посторонних стал подбирать ключи к лаборатории? Ведь никто, кроме вас восьмерых, не знал и знать не мог, что платина не будет сдана в отдел.

Этот простой довод обескуражил Красавину.

— Вы правы, — сказала она. — Кроме нас, этого никто знать не мог.

После недолгого молчания Красавина продолжала:

— Выходит, платину украли. Я не знаю, как это случилось, уверена, что это сделали не наши, но скажу вам: в том, что случилось, очень виновата я.

— Поясните, пожалуйста, — удивленно сказал Колосов.

— Это долгая история. Попробую, однако, изложить ее в нескольких словах. Эрнест Павлович, вы с

ним уже познакомились, большой и талантливый ученый, но человек удивительно рассеянный и забывчивый. Эти же недостатки есть и у меня. После того как я из-за них оказалась виновной в какой-то несусветной путанице, он сказал мне: «Давайте, Тамара, от наших недугов лечиться вдвоем. Заведите блокнот и ежедневно записывайте, что и как нужно делать. Заодно прошу вас отмечать и все то, о чем следует напоминать мне». С тех пор я так и делаю.

Вчера, когда волокно пошло на анализ, я записала: «Напомнить Э. П., чтобы сдал платину». Посмотрите, — и Красавина протянула Колосову блокнот.

Запись эта стояла в блокноте предпоследней перед формулами, которые Красавина набросала при нем.

— Не возражаете, если я перелистаю? — спросил следователь.

— Пожалуйста. У меня там секретов нет.

И правда, в блокноте было полно записей, начинавшихся словами: «Напомнить Э. П. ...» В их числе несколько, касающихся платины.

Колосов вопросительно посмотрел на Красавину.

— Да. Я не раз напоминала Эрнесту Павловичу, что нужно сдать платину, а нынешней ночью забыла. Я очень виновата, — закончила она. — Напомни я Эрнесту Павловичу — и все, все было бы хорошо.

Близоруко щурясь, Красавина подписалась под протоколом допроса. Промокая его, Колосов увидел перед подписью: «Во всем виновата я».

Четвертым в кабинете появился старший инженер Маркин. Сев по приглашению, он выжидательно посмотрел на следователя.

— Григорий Аркадьевич, а вы что думаете о происшествии?

— Думаю, что произошло большое несчастье. И скажите, ведь украл один, а подозревать можно каждого.

— Почему каждого? — удивился Колосов. — Вас тоже?

— Как меня? — поперхнулся Маркин. — Я не брал.

— Ну вот, вы отпадаете. Значит, можно подозревать в краже каждого, за исключением вас. Так я понял?

— Видите ли, — медленно начал Маркин. — Я же знаю, что платину не брал. Это я знаю точно. Но не могу поручиться, что этого не сделал кто-нибудь другой. Не все из нашей лаборатории вели себя безупречно.

Колосов насторожился.

— Что вы имеете в виду, Григорий Аркадьевич!

— Вы меня поймите правильно, товарищследователь, я ничего определенного в виду не имею. Но, может быть, отдельные факты и наведут вас на след. Вот, к примеру, не так давно я слышал, как наша лаборантка Нина жаловалась, что у нее нет денег на поездку в Сухуми. А как-то, помню, она все мечтала о нейлоновой шубе... Раз у нее такие желания были, могла она соблазниться? Думаю, да.

А вот еще два штриха, — продолжал Маркин. — Эрнест Павлович — человек безусловно порядочный. Но известно ли вам, что он недавно женился и его молодая жена кучу денег тратит на тряпки. Однажды, по-моему, на новогоднем вечере в институте, разоткровенничался он и говорит: «Никак понять не могу, почему денег не стало хватать, а потом как открыл случайно гардероб жены — ахнул. Да никаких денег не хватит». Я, конечно, не думаю, что Эрнест Павлович способен что-нибудь украсть, но, как говорят, чем черт не шутит. Кстати, и второй штрих — он ведь не сдал эту платину в отдел. Может быть, это случайность, а может быть, и нет...

Колосов заметил, как к одному загнутому пальцу Маркина на левой руке прибавился второй. «Видимо, у

него есть еще кто-нибудь на подозрении», — понял Колосов и не ошибся.

— А еще, возможно, вам и это чем-нибудь поможет. Анатолий у нас работает — мастер. Так пьет он. Нина полгода назад новоселье отмечала. Очень он у нее напился. И после пил, наверное. А водка, знаете... Да, совсем забыл, не мешает вам и инженером Сомовым поинтересоваться. Ведь он сидел за что-то. Мало ли чему его тюрьма научить могла... Не мне вам рассказывать, — и Маркин многозначительно поднял руку с четырьмя загнутыми пальцами.

Когда он подписал протокол и вышел, Колосов, сняв трубку, позвонил в управление милиции.

Еще утром, приступив к расследованию, он дал задание сотрудам милиции проверить связи, знакомства и образ жизни восьмью работников лаборатории. Интересовало его и другое: во сколько часов каждый из них вернулся домой. Если кто-нибудь пришел с большим опозданием, рассуждал следовательно, не исключалось, что он куда-нибудь заходил, а это уж что-нибудь да значит, так как мало кто решится принести краденую платину домой...

К телефону подошел начальник отдела.

— Пока ничего интересного нет, Александр Иванович, — сказал он, — мы включили в проверку девять человек. Полагаю, через час-другой сумею вам позвонить.

— Спасибо, Борис Сергеевич, буду ждать.

Следующим в кабинет вошел старший научный сотрудник Горнев.

Не садясь на предложенный ему стул, он нервно сказал:

— Не находите ли вы, товарищ следовательно, ваш метод несколько странным. Неужели вы думаете, что в числе тех, кого вы допросили или кто ожидает до-

проса, хоть один знает, где этот проклятый кусок металла. Да найдись такой, он бы уже давным-давно с криком ворвался к вам и сказал: «Вот где платина, вот!» Для чего вам все эти вызовы?

— А вы не могли бы все-таки, Виталий Васильевич, присесть?— остановил его Колосов.— Садитесь и подождите, пожалуйста, допрашивать меня о методе. Разрешите прежде спросить кое-что у вас.

— Если вы считаете, что это поможет найти вам железку, я сяду,— буркнул Горнев.— Но нужно искать, а не пытаться узнать у людей то, чего они не знают.

— Скажите, Виталий Васильевич, вы ведь не верите в чудеса?

— Не верю.

— Ну так вот. На испытаниях было восемь человек. Среди них, очевидно, и тот, кто взял платину.

— Почему среди них? — вскипел Горнев.— Почему?

— Потому,— ответил Колосов,— что других-то не было.

— Наша лаборатория не за семью печатями. На испытаниях, правда, было восемь человек. Но в лабораторию заглядывали и другие.

— Возможно,— спокойно заметил следователь,— но с помощью заглядывания, согласитесь, никому еще не удавалось утащить какую-нибудь тяжесть, да к тому же на глазах у многих работников. Не кажется ли вам, Виталий Васильевич, что и в вашем методе есть какой-то порок? Кстати,— продолжал Колосов,— когда закончились испытания, все ли одновременно покинули лабораторию?

Горнев задумался.

— Сейчас вспомню... Первыми вышли Юлия Ситникова и Тамара Красавина. Потом Сомов и Маркин, вслед за ними Эрнест Павлович и я. Последними были Анатолий и Нина. Качалов поручил им закрыть лабора-

торию. Выйдя на улицу, мы минут десять постояли, еще раз друг друга поздравили и разошлись.

— Вы все были на улице, все восемь человек?

— Да. Впрочем, дайте вспомнить... Нину и Анатолия я не видел. Знаете,— Горнев как-то растерянно посмотрел на Колосова и уже увереннее ответил:— Точно, их на улице не было. Значит, они вышли раньше или позже. Скорее всего позже. Я что-то не помню, чтобы они нас обогнали, пока мы шли к выходу.

— Спасибо, Виталий Васильевич. К вам у меня вопросов больше нет.

Расписавшись под протоколом, Горнев, ссутулившись, пошел к двери. Взявшись было за ручку, он повернулся к Колосову и, сделав несколько шагов к столу, тихо, но твердо сказал:

— Я вас понял, товарищ следователь. И метод ваш стал мне яснее. Но прошу заметить, я даже мысли не допускаю, чтобы Анатолий или Нина могли стащить эту дрянную пластину. Я в них уверен абсолютно. А если хотите знать,— четко выговаривая каждое слово, продолжал Горнев,— кто и виноват в этой истории, так это я. Не придумай я дурацкую затею с шампанским, ничего бы не случилось.

И, выпрямившись, Горнев быстро вышел, не дождав-шись, что скажет ему Колосов.

Через несколько минут по приглашению Колосова в комнату вошел Сомов.

Пожилой инженер заговорил первым. Испытующе глядя на Колосова, он спросил:

— Вы и меня подозреваете?

— В чем? — удивился Колосов.

— В краже платины, разумеется. У вас, конечно, все подозрения против меня. Я ведь вредителем был.

— Каким вредителем? — не понял Колосов.

— Обыкновенным. 58—7 УК РСФСР,— мрачно отве-

тил Сомов.— Шесть лет просидел, с тридцать седьмого по сорок третий. Инженеры в войну понадобились — освободили.

— За что же вас судили?

— За то, что будто участвовал я в разработке вредительского плана строительства какого-то стеклозавода. А я и плана никакого не видел.

— Вас, конечно, реабилитировали?

— Да. Но раз вызываете — значит, не верите.

— Товарищ Сомов,— Колосов сделал ударение на слове «товарищ»,— что было, то никогда не повторится. А я приглашаю сюда не тех, кому не верю или кого подозреваю, а всех, кто может пролить свет на происшествие. Вот вы лично подозреваете кого-нибудь в краже платины?

— Никого,— тотчас ответил Сомов.

— Ну, а куда же, по-вашему, исчезла платина?

Сомов развел руками.

— Могу поручиться за то, что никто из нашей лаборатории ее не взял. Я, знаете ли, в молодости психологией увлекался. Так вот, думая над этим случаем, который вы происшествием называете, я подходил к нему как психолог. Вот ход моих рассуждений. Восемь человек дружно изо дня в день два года работают над получением нового волокна. Восемь человек живут одними думами и надеждами. У них дело не клеится, а духом они не падают. И вот волокно пошло. То, которое нужно. У всех радость, большая радость...

Сомов тяжело задышал.

— И вдруг кто-то из восьми решил так омрачить победу? Да может ли это быть? Отвечаю — нет. Психологически неоправданно.

— Я, Михаил Юрьевич, с уважением отношусь к науке, которой вы увлекались, и тоже изучал ее, да и сейчас изучаю. Но скажите мне, кто же тогда, с точки

зрения психологии, взял платину? Кто? И не мог ли взять тот, у кого психология особая, не такая, как у вас?

— Не знаю, что вам и ответить. По-моему так получается, а по-вашему иначе.

— Но так или иначе — платины-то нет. Так или иначе ее нужно найти. И так или иначе прошу вас еще раз вспомнить все детали прошедшей ночи, которые могут помочь это сделать.

Сомов задумался. И вдруг Колосов услышал:

— Если я скажу, что я взял платину, это вас устроит? Вам этого достаточно будет, чтобы закончить дело?

Одышка, мучившая Сомова, усилилась.

Не успел Колосов отозваться на эти странные вопросы, как зазвонил телефон. «Как не вовремя», — недовольно поежился Колосов, но трубку взял.

— Борис Сергеевич? Слушаю вас. Так... так... — Он повторил это короткое слово восемь раз, делая одновременно какие-то записи. — За точность ручаетесь? Хорошо. А как с остальными вопросами? Продолжаете? Спасибо. Большое спасибо.

Опустив трубку, Колосов подумал: «Телефон позвонил как раз вовремя».

— Продолжим, Михаил Юрьевич. Я не ослышался? Вы, кажется, хотели сказать, что платину взяли вы?

— Я взял, — глухо произнес Сомов. — В суматохе, когда все выходили из лаборатории. Потом нанял машину. Поехал за город. Закопал платину где-то в лесу. Часов в пять домой вернулся. А дальше...

— Не нужно дальше, Михаил Юрьевич, — движением руки остановил его Колосов. — Ни мне, ни кому-нибудь другому этого не нужно. Все, что вы рассказали, очень интересно. И если бы, выйдя из института в четверть второго, вы не явились домой через пятнадцать минут, пожалуй, я съездил бы с вами за город. А теперь я предоставляю возможность сделать вам это

самому и немного освежиться. Можете заодно поискать спрятанную вами платину,— добавил Колосов и улыбнулся.

Сомов, махнув рукой, вышел.

«Как же сильно нужно верить в своих товарищей, чтобы наговорить на себя такое»,— подумал Колосов.

В дверь робко постучали. На пороге показалась девушка лет двадцати. «Нина»,— догадался Колосов.

— Садитесь, Лутонина,— сказал он.— У меня к вам несколько вопросов. Скажите, пожалуйста, кто ночью вышел из лаборатории последним?

— Я.

— Вы и закрывали дверь?

— Я,— тихо ответила девушка.

— Вы были при этом одна?

— Одна.

— Сколько времени вам понадобилось, чтобы закрыть дверь?

— Ну, может быть, минуту, две...

— А что было потом?

— Потом я пошла на выход.

— Сразу?

— Да, сразу.

— Кого-нибудь из сотрудников лаборатории вы на улице встретили?

— Нет. Когда я вышла, то никого не было.

— А не вспомните ли вы, где находился Анатолий, пока вы закрывали дверь?

— Я... я не знаю.

— Значит, он не был рядом с вами?

— Не был.

— Во сколько вы вышли из института?

— Был уже второй час.

— И куда вы отправились?

— Домой,— ответила Нина и опустила глаза.

— И домой вы шли одна?

— Одна.

— Сколько вам понадобилось времени, чтобы добраться до дома?

— Минут двадцать пять.

Колосов внимательно посмотрел на Лутонину. Она сильно волновалась. Лицо ее покрылось красными пятнами.

— Я не думал, Нина, что мне придется специально напоминать вам об обязанности говорить правду и о последствиях лжи для свидетеля. Теперь я это делаю. Не вспомните ли вы чего-нибудь после такого напоминания?

Лутонина испуганно посмотрела на Колосова.

— Вы... вы думаете, что я взяла платину? Вы считаете меня воровкой?

— Я прежде всего считаю, что вы должны точно отвечать на вопросы. Не так уж много времени прошло, чтобы что-то забыть. А вот точности в ваших ответах я и не вижу.

— Я сказала вам правду.

— Допустим. Но тогда, выходит, вы забыли, что дверь поручали закрыть не только вам, но и Анатолию. Где же он был, пока вы, почему-то одна, выполняли это поручение?

— Он... я его не видела.

— Возможно. Но ваши товарищи видели, что из лаборатории последними выходили вы и Анатолий. Они же, с десятков минут простояв у выхода из института, не видели, чтобы вы или Анатолий на улицу вышли. Значит, закрыв дверь, вы по меньшей мере восемь минут оставались в институте. Оставался там и Анатолий. Может быть, вы все-таки после выхода из лаборатории и до выхода из института встретились?

Девушка молчала. Голова ее опускалась все ниже.

— Нина,— снова начал Колосов,— поговорка гласит: «Молчание — знак согласия». Что же, если не секрет, вы с Анатолием делали в институте? И заодно расскажите, почему вы пришли домой в четвертом часу... Опять молчите? Но надеюсь, вы понимаете, что вам все-таки придется ответить. Вы меня поняли?

И вдруг девушка зарыдала.

— Я!..— вскрикнула она.— Я во всем виновата! Я преступница. Одна я. Боже мой, что мы наделали...

«Неужели Маркин прав в своих подозрениях?» — невесело подумал Колосов, глядя на девочку.

Но вот рыдания стихли.

— Продолжим,— сказал Колосов.— Надеюсь, теперь я услышу от вас связный рассказ.

— Я... мы,— начала, всхлипывая, Лутонина,— я виновата... Толя за мной давно ухаживает. Когда мы вышли из лаборатории, он сказал: «Подожди, Нина, дверь закрывать. Давай потолкуем». Начал опять о свадьбе говорить. Выдержал, говорит, твое условие: полгода вина в рот не беру. Сказал так и поцеловал меня. Мы,— снова всхлипнула Нина,— минут десять целовались, потом пошли. Ключ я в проходной сдала. Потом Толя провожать меня пошел... И говорит: «Зайдем на Сиреневый, посидим». Зашли. Больше часа сидели, планы жизни строили. С Сиреневого он довел меня до дома...

Утром чуть свет я проснулась. И какая-то меня мысль беспокоит, а какая, не пойму. И вдруг вспомнила, что дверь лаборатории мы так и не закрыли.

Лутонина опять зарыдала.

— Но,— сказал Колосов, когда она немного успокоилась,— разве утром дверь лаборатории не была закрыта?

— Я не досказала вам... Как только утром я вспомнила, что дверь не закрыла, побежала сразу к Анатолию. Он и говорит: «Дурашка, чего паникуешь. Кто там

что возьмет?» И не подумали мы даже, что платина осталась. Ведь ее Эрнест Павлович всегда в отдел сдает.

Пошли мы вдвоем в институт. Взяла я в проходной ключ. А следом Эрнест Павлович и Ситникова идут. Так я вставила ключ и сделала вид, что открываю дверь.

Тут же за мной Анатолий и остальные вошли. И вдруг я услышала, как Эрнест Павлович чужим каким-то голосом вскрикнул: «Платина!» — и побежал. У меня внутри что-то будто оборвалось...

И вновь глухие рыдания.

Неожиданно дверь комнаты распахнулась, и к Нине, не обращая внимания на Колосова, кинулся молодой парень в комбинезоне.

— Нина! — крикнул он. — Ниночка, что с тобой? — И, повернувшись к следователю, быстро и возбужденно заговорил: — Это я виноват. Из-за меня она дверь не закрыла. Да и не должна была она закрывать. Это мне велели сделать. Пусть меня судят за эту платину. Я отработаю, пусть у меня все полочки вычитают, пусть посадят меня, только Нину не трогайте!..

Пройдет еще час. Колосов найдет платину. В куче металлического лома. Туда ее вместе со всякими железками снесла молодая, неопытная уборщица. Она даже не обратила внимания на то, что дверь лаборатории, обычно запертая на ключ, на этот раз была открыта.

Колосов сдаст платину в отдел. Потом по его письму накажут не в меру забывчивого заведующего лабораторией и влюбленную Нину. Он положит дело в архив, но долго еще будет вспоминать хороших, честных, хотя и несколько легкомысленных сотрудников лаборатории. И еще вспомнит Колосов инженера Маркина, последовательно загибавшего пальцы, и подумает, что в коллективе лаборатории этот человек — чужой.

«СКОПИДОМ» С БЕРЕГОВ ОКИ

Года два назад ехал я в отпуск на юг. И пришлось мне тогда от соседа по купе выслушать лекцию о таком человеческом пороке, как скупость. А разговор начался вот с чего.

Маленький мальчонка из нашего купе несколько раз обращался к своей маме с вопросом:

— Мам! Что же никто не спрашивает, сколько мне лет?

Мать от этого вопроса почему-то ежилась и старалась отвлечь мальчугана. Но он не унимался. В конце концов я не выдержал и спросил:

— Ну, хорошо. Сколько же тебе лет?

— Мне нет пяти,— моментально ответил малыш.

— Не может быть,— притворно удивился я.— Тебе, наверное, уже скоро шесть.

— Мама,— спросил мальчуган,— это ты сказала дяде, что мне скоро шесть?

Мать покраснела. Я понял, что мамаша решила провезти сынишку без билета, для чего убавила его возраст, почувствовал себя неловко и замолчал. Но сосед по купе, пожилой мужчина в пенсне, который только что плотно позавтракал, решил продолжить разговор.

— Нехорошо, гражданочка, получается. Нехорошо. Поскупились отдать десятку за билет. Ее вы, может, и сэкономите, а мальчика испортите. Разве можно с этих пор учить его врать? Начнет по вашему наущению с малого, а потом и пойдет, и пойдет.

Мать виновато молчала, прижимая к себе испуганного сынишку. А словоохотливый сосед наш по крайней мере с час приводил убедительные примеры того, сколь пагубна скупость и какие тяжкие для жизни последствия может иметь даже маленькая ложь. Говорил он основательно, неторопливо, время от времени закуривая «Беломор», чем причинял нам, некурящим, немало беспокойства.

Неожиданно полуоткрытая дверь купе раздвинулась до отказа, и некто в пижаме спросил:

— Товарищи, не угостите ли папироской? Забыл свои в суматохе.

— Нет у нас, мы некурящие,— невозмутимо ответил за всех пожилой лектор.

Удивленно пожав плечами, пижама закрыла дверь.

— На чем я остановился? — спросил наш сосед по купе.

— На том, что мы некурящие,— ответил я.

Сердито посмотрев на меня, сосед буркнул:

— Не могу же я всех снабжать папиросами. Где я возьму тут московский «Беломор»?

Слушать этого моралиста и воспитателя мне больше не хотелось. Я вышел из купе и встал у открытого окна. «Надо же,— подумал я,— прочитать такую лекцию о вреде скупости и лжи и одним, только одним штришком показать, что ты сам и скуп и лжив».

В это время поезд загрохотал по мосту. «Ока»,— узнал я по песчаным отмелям. И тут вспомнил. Вспомнил давнюю историю. Историю об одном старике с Оки. Ее рассказал мне мой друг, следовательно Колосов.

— Знаешь,— сказал он как-то,— я везучий следователь. Какое бы дело мне в руки ни попало, обязательно в нем окажется изюминка. И вот какой был случай... Помнишь, рассказывал я тебе о деле ростовщика Рябинушкина? Да, да, о том, который, ворочая тысячами, ел

картофельные очистки. Так вот, думал я, опять столкнулся с чем-то подобным. А оказалось ведь нечто еще более удивительное. Впрочем, начну по порядку,— продолжал Колосов.— В том году проводил я отпуск с приятелем, следователем из Калуги, Славой Щербаковым. Пригласил он меня порыбачить с ним в небольшой деревушке Вёсны на Оке. Там он родился, его все знали. Мать немало гордилась Славой и по воскресеньям заставляла надевать форму. Это чтоб односельчане не забывали, какого она сына вырастила.

Рыбачили мы с берега. Лов шел лучше на противоположном берегу. Лодки у нас не было. И для переправы мы пользовались услугами перевозчика. Кряжистый старик молча сажал нас в лодку. Молча перевозил. И молча брал рубль: по полтиннику с человека. Поначалу Слава попробовал с ним торговаться.

— Не много ли берешь, Савельич,— сказал он сердито.— Наживаешься без совести. Налоги-то не платишь за свой промысел.

— Я стар, прокурор, платить налоги,— пробурчал Савельич.— Не хочешь платить, высаживайся.

Пожалуй, это была самая длинная речь Савельича, которую мне довелось услышать. Слава для порядка поворчал, но, поняв безвыходность положения, капитулировал и к вопросу о ценах за перевоз больше не возвращался. Так мы и перебирались туда и обратно за пару рублей. Скидки Савельич никому ни на копейку не давал. А бесплатно перевозил только детишек.

Старика за его прижимистость в деревне не любили. И куда ему деньги, удивлялись весненцы, живет богатым, вина не пьет, одежку не покупает. Одним словом, скопидом. Слово это—скопидом—пустил по деревне один приезжий писатель, собиравший там разные интересные истории. Весненцам оно понравилось

и прижилось. Так и звали все старика за глаза — скопидомом.

Однажды известный весненский выпивала и воришка по прозвищу Хорек, которого Савельич выгнал из дому, не дав ему в долг на водку, закричал:

— Подавись своим богатством! Все знают, что ты скопидом!

Старик вышел вслед за Хорьком из своей покосившейся хатенки и тихо спросил:

— Кто, кто сказал, что я скопил на дом?

— Дашь денег, скажу, — не растерялся Хорек.

И тут ошеломленные весненцы, свидетели этого чудного разговора, увидели, что старик протянул Хорьку десятку. Такого еще не бывало.

— Ну, говори, кто сказал?

— Вся деревня говорит, от людей и узнал, — отступая от старика, ответил Хорек и быстро зашагал к селу.

А старик после того разговора стал еще более молчалив и угрюм. Если раньше выходил он к вечеру посидеть на приступке у двери, то теперь и там не показывался.

Но, как и прежде, утром спускался он, держа весла на плече, с откоса, на котором стоял его домишко, молча отпирав огромный ржавый замок, стороживший прикованную к столбу лодку, молча садился, молча перевозил пассажиров и молча брал деньги. А на закате замыкал лодку и медленно поднимался с веслами домой.

Так умудрялся он молчать весь день. Но видно было, что старик все время думает о чем-то своем, только ему понятном. Изредка, как бы помогая ходу своих мыслей, Савельич медленно шевелил губами.

— Деньги свои подсчитывает, — иронизировали весненцы.

Стародавние жители Весен говорили, что Савельич не всегда был такой. До войны слыл он человеком общительным, охотно помогал людям, да и двух сынов своих воспитал парнями веселыми и добрыми.

Изменился он сразу. Случилось это после того, как сельский почтальон принес ему в один день два письма. Оба с фронта. И в обоих сообщали ему, что сыновья его, защищая Родину, пали смертью храбрых. Старик словно окаменел после этого. А когда через неделю схоронил жену, не перенесшую удара, то и вовсе его как подменили. И слова из него выжать было нельзя. Хозяйство свое домашнее он забросил, занялся перевозом и скучным стал до крайности. Односельчане решили, что старик «тронулся». Поначалу Савельича жалели; когда же жадность его к деньгам превратилась в деревенскую легенду, которая разнеслась далеко по округе, жалость уступила место недоумению, а потом и неприязни.

— Никогда не думали,— говорили весненцы,— что горе из людей жадюг может делать. Да еще таких...

Навещать старика перестали. И лишь изредка приходила к нему из соседнего села племянница. Она носила Савельичу кое-какие продукты. Сам он за ними никуда не ходил и ни у кого ничего не просил.

Как-то, спустившись поутру к реке, мы Савельича не увидели.

— Куда его, старого, леший унес,— шумели торопившиеся на сенокос весненцы. Кто-то покричал Савельичу, но дом молчал. Сплывнув, косцы пошли в ближайшую прибрежную деревню.

— Нет худа без добра,— сказали они.— Пару верст прошагаем, на перевозе рубль сэкономим.— Перевозчик в той деревне брал по сорок копеек, а косцов было пять. Ну, а нам на крайний случай можно было порыбачить и здесь.

— Мы еще больше сэкономим — пару рублей,— без особой радости сказал Слава.

Экономия вышла боком. Мы не наловили и на плохонькую уху.

На следующее утро, чуть свет, к нам в дом постучали. Это был колхозный бригадир Петрович, человек серьезный и в деревне уважаемый.

— Слава,— обратился он к моему другу.— Полагаю, что с Савельичем дело неладное. Опять он к своей лодке не вышел, а дверь-то дома изнутри заперта. Может, что случилось. Пойдем поглядим. Ты, как-никак, представитель власти. Не вызывать же нам милицию из района.

Мы оделись и пошли. Для начала мы громко постучали в дверь и прислушались, не отзовется ли Савельич. Но в доме было тихо. Подергав дверь, мы убедились, что открыть ее не просто. Народ, собравшийся на шум, судачил о том, что могло случиться с Савельичем.

Мы решили выставить раму. Когда подошли к окнам, что выходили на Оку, я увидел следы ног. Их было несколько, но одной и той же обуви. Увидел я и другое: свежий отщеп на раме. Заметил все это и Слава.

— Товарищи! — сказал он.— Дело может оказаться серьезным. Прошу к следам не подходить. А мы сейчас начнем осмотр по всем правилам...

Осторожно влезли в дом через окно. Стало ясно — в доме кто-то похозяйничал. Ящики старинного самодельного комода были выдвинуты, и вещи из них валялись на полу. В большом сундуке все было перевернуто. Ни копейки денег в доме не оказалось. Но не это нас поразило. В доме не было Савельича. Человек хоть и не иглока, но когда сталкиваешься с таким необъяснимым делом, начинаешь искать по всем углам. Мы даже в русскую печь заглядывали...

Все, что происходило в доме, сразу же становилось известно тем, кто был снаружи, а собралась тут едва ли не вся деревня. Весть о том, что дом ограблен, а Савельич исчез, взбудоражила веснenceв.

— Но позволь,— заметил я, перебивая Колосова,— ведь дверь была заперта изнутри, а окно взломано снаружи. Значит, когда грабители проникли в дом, Савельич мог быть только там?

— Вот именно,— ответил Колосов.

— Но как же так,— начал горячиться я,— вор не стал бы, если он убил Савельича, вытаскивать труп через окно.

— Это, конечно, было маловероятным, но нуждаюсь в проверке,— сказал Колосов.— Мы вышли из дому и слышали сразу сотню вопросов и советов.

— Может, его в воду бросили,— предположил кто-то.

Однако это исключалось. Никаких следов ног или волочения тела на песчаном откосе и берегу не было.

— Вы сыщики, ученые,— вдруг сказала какая-то бабка.— Чем линейками землю мерить, Хорька бы взяли. Следы-то его, Хорька. Когда я его с курой своей поймала, то по этим же следам нашла. С елочкой. Один он на деревне следы такие оставляет.

Попросили мы Петровича привести Хорька. Минут через пять его привели.

— Чего еще? — спросил он осипшим от водки голосом.

— Ничего! — загудели в толпе.— Снимай сапоги, душегуб!

Хорек увидел следы и, сразу все поняв, побледнел.

— Братцы, не виноват я, не виноват,— хрипло бормотал он.— Хотя что хотите со мной делайте, не виноват. В хатенку я, правда, забрался, деньги думал найти, но и гроша ломаного нету у старика...

— Ты не прикидывайся,— строго сказал Петрович.— Куда тело схоронил?

— Поверьте, братцы! Его и пальцем не тронул и не видел,— плаксиво запричитал Хорек.— Я и в дом-то полез, думал, старик богу душу отдал. Из дому ведь вчера он не выходил. Я по двери сразу определил. Полез, дай, думаю, деньги возьму, пропадут все едино...

— А может, он его в сарайке спрятал,— предположил кто-то.

Но и сарай был пуст. Правда, вся его левая половина под потолок была засыпана землей. Хорька подвели к сараю.

— Здесь, что ли, засыпал Савельича? — спросили его.

Хорек молчал, тупо глядя на земляную гору.

— Да нешто можно за ночь такую гору насыпать?— удивился кто-то.— Ее и за двадцать не наворотить.

Землю быстро разгребли, но и под ней Савельича не было.

И тут меня осенило. Бывает так: какая-то деталь все ставит на место. А деталь простая. В усадьбе старика никаких ям, откуда выбиралась бы земля, не было. Значит...

— Товарищ Щербаков,— сказал я.— Полагаю, что нужно возобновить осмотр в доме.

— А что искать там будем, товарищ Колосов? — спросил он в тон.

— Погреб,— ответил я.

И мы его нашли. У железной кровати Савельича. Вход в погреб нехитро маскировал плетенный из веревок коврик, прибитый к крышке. Спустившись в погреб с керосиновой лампой, мы сразу же увидели Савельича. Он сидел с карандашом в руке, уткнувшись головой в какие-то бумаги. Старик был мертв: годы взяли свое.

Бумаги при ближайшем рассмотрении оказались толстыми самодельными тетрадами. В них день за днем Савельич вел запись всех полтинников, полученных за перевоз. День за днем, больше восьми лет, с 1944 года и по день своей смерти. И знаешь, что было написано на каждой тетради?

— Трудно представить,— ответил я.— Ведь до такого учета мог додуматься только сверхскопидом.

Колосов посмотрел на меня с сожалением и тихо сказал:

— На каждой из пяти тетрадей корявыми буквами было выведено: «Деньги, на которые надо построить дом для ребят, у которых фашисты убили отца».

Я был поражен и пристыжен.

— Кстати,— продолжал Колосов,— когда пересчитали деньги, лежавшие в деревянном сундучке под столом, то сумма до копейки сошлась с записями в тетрадях. Оставалось только неясным, на что жил Савельич.

Говорят, что, узнав все это, раскаялся в своих грехах беспутный Хорек. Он понял, что из-за него, из опасения, что он может отнять дом у детей и разрушить цель его жизни, старик ночами рыл погреб.

Хоронить Савельича вышли все. И первыми за гробом шли дети, те самые, с которых он не брал за перевоз...

...Когда я вошел в купе, пожилой мужчина уже спал, а малыш укладывался с мамой на полке.

Уже раздеваясь, я услышал его шепот:

— Мама, хорошо, что ты отдала деньги. Теперь я всем скажу правду, сколько мне лет. А этого дяденьку в очках не высадят? Ведь он обманул, что не курит...

КОНЕЦ ОДНОЙ ИСТОРИИ

Заходящее солнце последний раз осветило многоцветные по осени макушки деревьев в старом парке. Начало смеркаться, а в увитой поредевшим плющом беседке трое продолжали неторопливый разговор о разных случаях из жизни. Врач, инженер и следователь — им было о чем рассказать друг другу.

— Нехорошая у вас профессия, Александр Иванович, неприятная, — обратился один из собеседников к следователю Колосову. — Мало вы светлого видите. Ведь все время имеете дело с человеческим мусором.

Колосов улыбнулся.

— Плохих профессий нет. Ну, а насчет мусора... Бывает, конечно, мусор. Но ведь должен же кто-то нашу землю от него очищать. Кстати, сейчас за это весь народ взялся. Однако встречается у нас и такое... — Не окончив, он махнул рукой. — Не люблю о делах на отдыхе говорить. Но раз задели мою профессию, расскажу вам об одном случае. Не забыть мне его никогда.

Москва только отпраздновала День Победы. А через несколько дней порог моего кабинета переступил ничем не примечательный человек с острой седой бородкой.

— По важному делу к вам пришел, товарищ следователь. Имею нехорошие подозрения.

Настроение у меня было радужное, и, говоря по правде, ни о каких «нехороших подозрениях» слушать не хотелось, но ничего не поделаешь: редко к нам приходят о хорошем говорить.

Между тем посетитель продолжал:

— Валуев моя фамилия, Павел Никитич. Много уж лет живу я в одной квартире с Надеждой Алексеевной Агарковой. Славная она женщина и добрая соседка. Болеет только очень: сердечница, да и другие болезни к ней привязались. Без конца неотложку вызывал. Не раз она между жизнью и смертью была. Но живет. Мыслью сына увидеть живет. Он с первых дней войны ушел на фронт. Прекрасный парень, на глазах моих родился и рос. А мать так любил, что крепче этой сыновней любви я, хоть мне и за шестьдесят, не знаю.

Старик нахмурился.

— Так вот, подозрение у меня есть, что не увидит Надежда Алексеевна сына.

— Почему? — удивился я. — Война ведь кончилась.

— Кончилась, — подтвердил Валуев. — Думаю, что и Василий кончился.

— Как кончился? — не понял я.

— Погиб, думаю, Вася, а письма не он, кто-то другой пишет.

— Расскажите понятней, — попросил я. — Какие письма?

— Обыкновенные. Треугольники с полевой почтой. Да только дело вот в чем: приветов мне в письмах давно уж нет — года два. А раньше были. Вася не может мне приветов не посылать, кто-то другой письма пишет.

Я начал сердиться. Нашел, думаю, старик куда жаловаться, что ему приветов не посылают.

Валуев, видимо, заметил это и, испугавшись, что я не захочу выслушать его до конца, быстро продолжал:

— Не подумайте, что я по одним приветам определяю. Вот, поглядите сами, — и протянул мне фотографию.

Большими ясными глазами с фотоснимка спокойно смотрел совсем еще молодой человек, на котором как-

то странно неуклюже сидели форма майора и большая, не по голове фуражка.

— Это и есть Василий,— сказал Валуев.

— Ну и что? — спросил я.

— Эту карточку Надежда Алексеевна получила от него вчера. Видите, написано: «Дорогой маме. С праздником Победы!» А теперь взгляните на это.

И Валуев протянул еще одну карточку. На меня опять своими ясными глазами смотрел Василий. На нем была футболка. Красиво лежали зачесанные назад светлые волосы.

— Внимательно посмотрите на обе сразу,— попросил Валуев.

Не совсем понимая еще, в чем дело, я выполнил его просьбу. И тут начал догадываться. На обеих фотографиях Василия Агаркова был одинаковый дефект: небольшой угольничек чуть выше верхней губы справа.

— Вы предполагаете, что последний снимок смонтирован из старого?

— Угадали, товарищ следователь. Только не предполагаю, а знаю наверное, потому что сам фотографировал Васю перед тем, когда он в военкомат пошел, а негатив нечаянно поцарапал, отсюда и угольничек.

История начинала казаться мне интересной. Однако вывода о том, что Василия нет в живых, по этой царапине, конечно, делать нельзя было.

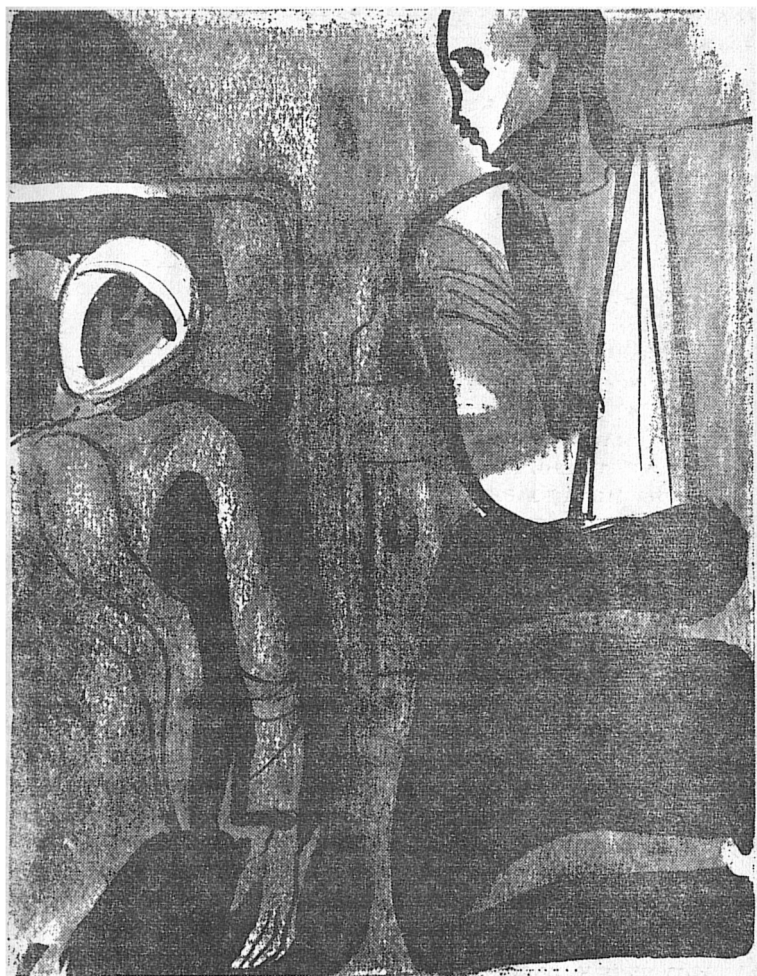
— Скажите,— обратился я к Валуеву,— а вы письма Василия видели?

— Как же! И видел и читал: Надежда Алексеевна давала...

— Так чьей же рукой они написаны?

— Василия, Васькиной рукой. Но только не он их писал. Не такой он был человек, чтобы приветов мне не передавать.

Интерес к рассказу Валуева начал пропадать. Как

могли подозрения, основанные на маленьком угольничке, соперничать с подлинными письмами?

— Ну, допустим, вы правы,— сказал я,— и письма пишет не Василий. Какой и кому смысл их писать?

— Не знаю, молодой человек, не знаю. Разве мне, старику, в таких вещах разбираться? Может, кто задумал имущество Надежды Алексеевны после ее смерти захватить, а может, еще что... Но только не чистое это дело, не чистое...

Пытаясь убедить меня в этом, Валуев сильно разволновался. Я как мог успокоил его и, взяв адрес Василия Агаркова, обещал во всем разобраться.

Неделю спустя из части, где служил Агарков, в ответ на мой запрос пришла телеграмма: «Прошу заявлению Валуева мер не принимать днями делами службы буду Москве сообщу подробности замполит Гуреев». Телеграмма походила на головоломку. Неясно было, какие меры меня просили не принимать и что за подробности собирается сообщить неведомый замполит Гуреев. Ведь он мог протелеграфировать всего два слова, чтобы исчерпывающе ответить на мое письмо. Случай, которому я поначалу не придавал большого значения, принимал какой-то странный оборот.

Колосов замолчал и осторожно освободил из липкой паутины запутавшегося там муравья.

— Что же дальше? Дальше-то что было? — нетерпеливо спросил врач.

— Дальше началось самое интересное,— медленно продолжал Колосов.— Приехал подполковник Гуреев. Он оказался очень симпатичным человеком. Пока мы бродили с ним по московским улицам, он рассказал историю, которая так поразила меня, тогда еще совсем молодого следователя, что хоть и много лет с тех пор прошло, а помню ее как сегодня. Так и передам ее вам от имени замполита Гуреева...

— Вы,— начал он,— насколько я понимаю, интересуетесь Кравцовым...

— Кравцовым? Каким Кравцовым? — удивился я.— Меня интересует Агарков, майор Василий Агарков, который служит в вашей части. В своем письме я ведь спрашивал именно о нем.

Ответ Гуреева прозвучал несколько неожиданно для меня.

— Майора Василия Агаркова я совсем не знаю. Да и не мог его знать, потому что он — не удивляйтесь,— будучи лейтенантом, погиб еще до формирования части, где я замполитом. Но о жизни его знаю почти все от майора Кравцова — хорошего офицера и коммуниста, с которым вместе служу около двух лет...

В небольшой комнате одной из уцелевших школ только что освобожденного Ростова, наскоро оборудованной под госпиталь, лежали два офицера — лейтенанты Агарков и Кравцов. Бок о бок дрались они с начала войны в одном полку и были ранены в одном бою. Рана Кравцова не вызывала опасений, но состояние Агаркова было угрожающим. Это хотели, да не могли скрыть госпитальные врачи. Чувствовал, что недолго осталось ему жить, и сам Агарков. Когда сестра делала ему бесконечные уколы и неестественно весело говорила, что будет еще плясать на его свадьбе, Агарков, еле шевеля бескровными губами, отвечал: «Не надо, сестрица, не надо. Я смерти не боюсь...»

— Не боюсь я смерти,— повторял он и Кравцову,— Своей не боюсь...

Как-то ночью Агарков тихо позвал Кравцова:

— Коля! Друг ты мне? Скажи, друг или не друг?

— Конечно, друг, Василек. Ты поспал бы лучше...

— Успею, Коля, успею.— Агарков посмотрел на Кравцова долгим, пристальным взглядом и чуть слышно добавил:— Скоро уж, скоро засну. Только вот что,

если не проснусь больше, просьба к тебе будет. Одна только просьба. Выполнишь?

— Ну о чем ты, Вася? Не ко времени такой разговор затеял...

— Не перебивай,— попросил Агарков,— ответь мне, выполнишь или нет?

— Конечно, выполню. Да о чем ты?

Агарков с большим усилием (нелегко, видимо, давалось ему каждое слово) продолжал:

— Мать у меня, Коля, очень, очень больная... Жизнь была трудной, отца моего похоронила, когда я еще «папа» говорить не мог. Одна осталась... Всю жизнь в меня вложила, в меня... Мечтала, что изобретателем буду. Техникой я увлекался... О себе никогда не думала... И вот... С сердцем у нее плохо... Совсем плохо.

Агарков замолчал. Кравцов подал ему воды и куском марли стер со лба умирающего друга капли холодного пота.

— Коля,— снова заговорил Агарков,— не выдержит мать похоронки. Не выдержит... я знаю... и до конца не дочитает...

Глаза Агаркова стали влажными.

— Сделай так,— чуть слышно прошептал он,— чтобы мать не узнала о моей смерти. Очень тебя прошу.

С неимоверным усилием Агарков вдруг приподнялся на локтях, и еле мерцавшая лампочка на миг выхватила из полутьмы его искаженное от боли лицо.

— Очень, Коля, очень...

Агарков откинулся на подушку.

В сестра! — закричал Кравцов.— Сестра!

В палату вбежала дежурная.

— Не выдержал,— сказала она, тщетно отыскивая пульс.— Отмучился...

Утром по просьбе Кравцова к нему в палату пришел комиссар госпиталя. Долго говорили они.

Надежда Алексеевна извещения о гибели сына не получила, по аттестату, как и прежде, приходили ей деньги, а письма от Василия после некоторого перерыва так же аккуратно продолжал вручать давно знакомый почтальон. Мало кто знал, чего стоили Кравцову эти письма. Еще в госпитале, целыми днями вглядываясь в немногие записки, оставшиеся после смерти Агаркова, он «набивал себе руку», и теперь — уж сколько времени прошло, — иначе, как Агарков, не пишет.

Конечно, Кравцов не мог предвидеть всего. И никак уж не думал он, что фотография, посланная Надежде Алексеевне, над монтажом которой ему пришлось немало потрудиться, вызовет подозрения у человека, о существовании которого он даже не знал, — у Валуева, не понимавшего, почему выросший на его глазах Василий перестал посылать ему традиционные фронтовые приветы.

— Вот, дорогие товарищи, о чем поведал мне замполит Гуреев.

— И что же вы сделали, Александр Иванович, узнав обо всем? — после нескольких секунд молчания тихо спросил врач.

— То же, что и вы бы на моем месте, — с уверенностью ответил Колосов. — Я вызвал Валуева и сказал ему: не подтвердились ваши нехорошие подозрения, Павел Никитич. Все в порядке.

— Да-а, история... — задумчиво протянул инженер, не проронивший до того ни слова. — А чем же все-таки она кончилась?

— А кончилась она месяца через два почти так же, как и началась: приходом ко мне Валуева. На этот раз он выглядел куда старше своих лет.

— Письмо вот получил от Васи, — Валуев протянул мне конверт, — извиняется, что приветов не посылал.

Да не знаю, что ответить ему... Померла Надежда Алексеевна. Чуть ли не на руках у меня померла. Сказала перед смертью: «Умираю, но счастлива. Счастлива, что сын дожил до победы. Об одном прошу тебя, Никитич, как друга старого, не пиши Васеньке, что нет меня больше. Тяжело ему будет, очень тяжело. Знаешь ведь, как любит он меня. Придумай уж что-нибудь, но только правды не пиши...» Не подскажете ли мне, товарищ следователь, как быть?..

...В парке совсем стемнело. Порывы осеннего ветра срывали с деревьев листву и с шумом гнали ее по уже невидимым дорожкам.

А трое в беседке все сидели. И никому ни о чем не хотелось говорить и спрашивать...

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько слов об авторе и книге	5
Краснеющий юноша	7
Письмо Татьяны Борткевич	14
Черный день ростовщика Рябинушкина	24
Благодарность потерпевшей Глебовой	35
Бриллиантовые серьги	47
Секрет денежного перевода	57
Кабаниха из Дубровского поселка	63
Случай в гостинице	79
Исчезновение Вадима Дронова	86
Три килограмма платины	99
«Скопидом» с берегов Оки	116
Конец одной истории	126

Георгий Иванович Кочаров

**РАССКАЗЫ О СЛЕДОВАТЕЛЕ
КОЛОСОВЕ**

М., «Известия», 1970, 136 стр. с илл.

Редактор Р. Кадулина

Художественный редактор

И. Смирнов

Технический редактор А. Гинзбург

Корректор Е. Патина

€

**Б 05610. Подп. в печ. 23/XI 1970 г.
Формат 70×108^{1/2}. Печ. л. 4,25.
Усл. печ. л. 5,95. Уч.-изд. л. 5,53.
Заказ 2081. Тираж 50.000.
Цена 19 коп.**

€

**Издательство «Известия Советов
депутатов трудящихся СССР».
Москва, Пушкинская пл., 5.**

**Типография «Известий Советов
депутатов трудящихся СССР»
имени И. И. Скворцова-Степанова.**